

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ВО ВЛАСТИ
ДУБОВОЙ КОРОНЫ

Звезды романтического фэнтези

Галина Гончарова

Во власти Дубовой короны

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Во власти Дубовой короны / Г. Д. Гончарова — «Издательство АСТ», 2023 — (Звезды романтического фэнтези)

ISBN 978-5-17-153595-7

Что может свалиться на тебя, когда идешь с работы домой? Максимум — пакет с мусором или цветочный горшок. Но уж никак не измученная правительница планеты Дараэ! А вот свалилась — и Тане не позавидуешь. Больная бабушка, кошки, собака, а теперь еще и сестра из другого мира объявилась, а вместе с пей целый народ даэрте, которому грозит вымирание. Таня сделала шаг навстречу, протянула руку помощи, и теперь даэрте хотят прийти на Землю. Что они принесут с собой? И чем придется за это заплатить? Ответов нет. Только нелегкие решения, которые надо принять двум девушкам и не ошибиться, не поддаться, не сорваться в безумие, навеянное Дубовой Коронай... Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153595-7

© Гончарова Г. Д., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	41
Глава 4	60
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Галина Гончарова

Во власти Дубовой короны

Серийное оформление – Яна Паламарчук
Иллюстрация на обложке – Дарья Родионова
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Г. Гончарова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

– Даэрте! Дараэ! Даже звучит нелепо!

Члены Координационного совета переглядывались. И во взглядах этих двенадцати мужчин читалось одно и то же.

Приговор.

Ресурсы, ресурсы, ресурсы... а если планета богатая? Если даже из космоса заметно, что на ней есть все?

И металлы, и редкоземельные элементы, и золото, и драгоценные камни... вон снимки! В горах видны выходы жил, которые местные просто НЕ РАЗРАБАТЫВАЮТ!

Идиоты!

Мысль о том, что жители планеты Дараэ могут ценить нечто другое, и в голову не приходила членам Координационного совета Конфедерации ша-эмо.

Разве ТАК бывает?

Нет, конечно.

Вот вещи, которые нужны всем! Ресурсы, ценные минералы, металлы, камни для энергоносителей... Даэрте?

Нет, народ, который живет на планете, уже не нужен. Можно оставить их в живых... частично. Если будут послушными, конечно.

Кто-то же должен все это добывать?

Машины?

Они тоже справляются. Но с местным обслуживающим персоналом всегда лучше.

Опять же, планета вся заросла лесом... что это вообще за планета такая?

Ни тебе городов, ни небоскребов, ни сетей, ни самолетов в небе... каменный век, да и только! Или... нет?

Прежде чем атаковать, за планетой все же понаблюдали. И увидели нечто интересное.

Узнали о продолжительности жизни каждого из даэрте – в несколько раз больше, чем среднего ша-эмо.

Узнали, что даэрте до старости выглядят лет на двадцать – двадцать пять, а старение и смерть наступают у них практически мгновенно – за несколько дней.

Удивились, что на планете словно бы и нет заболеваний, в том числе онкологии, давно ставшей бичом ша-эмо.

Поразились тому, что даэрте непринужденно путешествуют по всей планете – от одного полюса до другого. Причем как-то неоправданно легко: никаких летательных аппаратов. Они просто входят в большие каменные арки в одном месте – и выходят в другом.

Телепортация?!

Мечта...

Во второй раз Совет был уже более заинтересован. И решение приняли единогласно.

Переговоры.

Дараэ получит свое место в Конфедерации ша-эмо, старейшины... кто там? Да, есть старейшины, а над ними... король и королева? Дикари!

Кто будет подчиняться произволу и тирании, когда есть такой прекрасный общественный строй, как демократия? Точно, дикари!

Ничего. Сначала интегрируем их в Конфедерацию, а потом... разумеется, потом – когда они дадут доступ к планете, когда раскроют все секреты... ну, Конфедерации всегда нужны и пушечное мясо, и рабочие руки, и ученые. Это нормальный и естественный процесс.

А если кто-то не согласится?

Варианты возможны. Всегда есть пути... нет-нет, что вы! Никто не говорит о геноциде, правда же? Это так недемократично!

Война?

Зачем воевать и тратить ресурсы? Тем более когда речь идет всего об одной планете? Нет-нет, такого Конфедерация делать не собиралась. Есть у нее и соперники: Империя Азат, Султанат Варэй... Если Конфедерация начнет с кем-то серьезный конфликт, ее могут и в бок ударить. Это никому не нужно.

Поэтому – не стоит воевать. Всегда можно найти другой путь решения вопроса, к примеру, пробирку с вирусами. Распылить над этими мерзкими лесами¹.

Отыскать среди местных старейшин тех, кто поднимет восстание, и спровоцировать беспорядки на планете. А там уж, в процессе революции... можно и своих поставить. И нужные решения протолкнуть².

Обычно данные методы сбоев не давали.

Но – не в этот раз.

Даэрте просто не шли на контакт, а король и королева смотрели на Совет как на... да, наверное, как на глистов и опарышей. Королеву просто передергивало от омерзения, что было сочтено еще одним доказательством дикости даэрте. Цивилизованный человек же всегда улыбается!

Даже отдавая приказ начать войну.

Даже подписывая приказы о геноциде.

А приказы отдавать пришлось. Потому что даэрте высказались единогласно – им на планете такое не нужно. Даром не нужно, с доплатой не нужно... мы к вам не лезем, в глаза ваших ша-эмо не видели и видеть не хотим, и вы к нам не приходите.

Похищенные с планеты люди – то есть даэрте, конечно, не ша-эмо – давали те же ответы.

Нам не нужно.

Мы не согласны.

---

¹ Очень демократический путь решения вопроса. Кто не верит – погуглите про генерала Д. Амхёрста, про капитана С. Эквера и полковника Г. Буке. И про демократическую идею последнего, подхваченную американцами. – Здесь и далее – *примеч. авт.*

² Кому интересно – посмотрите, на чьи денежки устраивал революцию дедушка Ленин. Ищущий да обрящет.

Уходите...

И Совет решил разобраться одним ударом. Захватить короля и королеву, подчинить себе планету и начать использовать. А секреты... да постепенно разберемся!

У них получилась примерно половина из задуманного.

Конфедерации ша-эмо в результате спланированных боевых действий удалось уничтожить правителей Дараэ, захватить их маленькую дочь и запереть в лаборатории, уничтожить примерно половину населения Даэрте бомбежкой и обстрелами, выжечь часть лесов с орбиты.

А вот дальше...

На планете ломалась любая техника.

Выходила из строя электроника.

Болели люди.

И ладно бы диверсия! Это ша-эмо могли понять. Но ведь никого и рядом не было! Никаких даэрте!

Принцесса упорно молчала, не шла на сотрудничество, не ломалась под пытками и не поддавалась на уговоры. Убивать ее все же не хотели. А вдруг пригодится?

Даэрте отказывались делиться секретами телепортации и лекарствами.

Изучение порталных арок и растений ни к чему не приводило. Арки стояли мертвыми камнями, растения оказывались страшными ядами и меняли свои свойства чуть ли не ежеминутно.

Получалось невыгодно.

Средства на завоевание и освоение планеты выделены, отчасти уже потрачены, а отдачи нет.

И что делать дальше?

Ресурсы планеты можно было получить в любой момент: просто выжечь ее зарядами, смести совочком то, что останется от лесов и жителей, – и начать добычу.

Но как быть с телепортацией?

С молодостью? Лекарствами?

Планета молча и упорно сопротивлялась. Ша-эмо писали директивы и приказы.

Принцесса росла.

Время шло...

Глава 1

– Что будем делать?

– Но что-то же делать надо!

Да, это самый страшный вопрос. Что именно можно сделать, когда сделать ничего нельзя? Но когда, когда это останавливало малолетних энтузиастов? Хорошо, по меркам народа даэрте вполне себе совершеннолетних, младшему – семнадцать, старшему аж двадцать три, у каждого уже по несколько деревьев, каждый может завести семью...

Но какая тут семья?

Когда на родной планете захватчики? Когда враг не дремлет?

Когда взрослые... а вот что они сидят и ничего не делают?! Хоть бы какую диверсию устроили! Ну хоть что-нибудь! Взорвали бы, расстреляли, травой прорастили... да мало ли что можно придумать, умеючи?

Мысль о том, что им-то терять нечего, потому как молодые, глупые и ни за кого не отвечают, а взрослым есть что терять... тех же детей, за которых они смертельно боятся, молодняку и в голову не забредала. Или заглянула да и вылетела в окошко.

Впрочем, даже до молодежи доходила мысль о том, что есть диверсии, а есть мелкие пакости.

Диверсия – это когда ты наносишь серьезный и существенный ущерб противнику.

Мелкая пакость – это когда он отряхнулся и пошел, а тебе вломили промеж ушей так, что даже мозги в крестцовой области зазвенели.

Вот как ни крутили и ни вертели парни, но ничего серьезнее мелких пакостей придумать не могли. И сами это понимали.

Собьют они один истребитель?

Да, но у врага их еще три сотни. А может, и пять, и еще тысячу пришлют, не поморщатся... Убьют они одного... ладно, даже десять ша-эмо?

И что?!

Их, гадов, по определению больше. Даэрте – одна планета, а у ша-эмо в их проклятую Конфедерацию сотни входят. Они даже и не заметят ничего...

Но что делать-то? Что-то же надо!

– А если... освободить королеву?!

Мысль родилась, блеснула – и не потухла, как это обычно бывает с хорошими идеями. Загорелась огоньками в глазах, засветилась зелеными искрами, даже трава шевельнулась, заблестела, зашуршала. Природа привычно откликнулась на энтузиазм даэрте.

Слово взял Элран.

– Мы практически ничего о ней не знаем. Где она, как содержится, кто ее охраняет...

– Мы можем это узнать, – тихо произнес Шавель. Тихоня, ученый, он оказался в их компании потому, что видел и другую сторону вопроса. Дети ничего не боятся и пытаются что-то сделать. Родители боятся и делать ничего не хотят. Но если позволять страху разъесть тебя... это как корневая гниль. Дерево все равно умрет, только мучиться будет дольше.

Поэтому надо что-то делать, но правильно, осторожно и аккуратно. Вот он и попробует... только – что? Делать что-то надо, но что и как? Никто не знает и не может ответить. Значит, нужно самому. Решать, выбирать, нести за это ответственность.

А если и правда – королева?

Все знают, что без правителя даэрте... не народ. Без человека, которого приняла и увенчала Дубовая корона, они мало что могут. Ша-эмо это тоже знали и ударили в самое уязвимое место. Лишили народ даэрте их центра, их сердца, их надежды.

Почти уничтожили.

Но если и правда – попробовать?

Шавель помнил...

Зеленые глаза, волосы цвета весенней травы, проказливую улыбку...

– Как мы можем это узнать? – Элран был нетерпелив. Шавель потер лоб привычным жестом, разгладил морщинку над бровями. Как-то она сама складывалась, когда он говорил о серьезных вещах.

– Мы можем перехватить их переговоры. И даже поучаствовать.

– Как?! У них эта... эл... роника!

– Электроника, – отмахнулся Шавель. – Я последнее время интересовался этим вопросом.

И замолк, даже беспомощно. Как объяснить в нескольких словах то, что он понял?

Про электромагнитные волны, про облако эфира³, окутывающее планету, про то, что мозг даэрте – громадный компьютер. Даже сильнее и мощнее тех, что придумали ша-эмо.

Надо только правильно его использовать. Это сложно, но шансы есть⁴.

Он может попробовать при наличии правильных стимуляторов, и тогда...

Что тогда – Шавель договорить не успел. Элран взял его под руку.

– Так... Вель, давай ты все мне объяснишь, а потом мы расскажем остальным. Ребята, не в обиду. Веля я с детства знаю, он всегда перед людьми теряется.

Шавель благодарно кивнул. Что есть, то есть.

Молодые люди закивали. Если им все равно расскажут – отлично! Они чуточку подождут. Главное, у них появилась цель, и кажется, есть средство?

Если они могут на что-то повлиять...

Они подождут, сколько нужно. Страшно ведь что? Ожидание невесть чего в бездействии! А когда есть цель и средство, когда от тебя что-то зависит, можно и подождать. Это уже не так тяжело и сложно. Это вполне реально.

Тем временем Элран отвел друга подальше от костра.

– Вель, без лишних подробностей. Что именно ты сможешь сделать?

– Перехватывать передачи... сообщения ша-эмо.

– Так... а изменить? Вмешаться?

Шавель выглядел изумленным.

– Не знаю. Не уверен.

Элран задумчиво кивнул:

– Надо попробовать. Мы не знаем, где держат королеву. Мы знаем только, когда она сможет надеть Корону.

– Ша-эмо этого не допустят.

– Потому и нужно попытаться проникнуть в их планы. Знание – главное!

Вель был полностью с ним согласен.

– Вот. Что тебе надо, чтобы перехватывать... слушать?

– Вода. Лучше озеро.

– Даже не буду спрашивать, почему именно так, – покачал головой Элран.

---

³ Ноосфера.

⁴ Есть теория, что человек использует свой мозг примерно на 10–15 %, при творчестве до 25 %. Остальные мощности ему задействовать лень. Глядя на некоторых товарищей – верю! 1 % и то много!

Куда уж там! Вель действительно гений, уже сейчас им восхищаются все старейшины. Но слушать его объяснения? Пытаться вникнуть в суть?

– Вода... резонирует. Улавливает, отражает... не всякая; нужна та, что непригодна для питья⁵.

– Если будет в пещере? Не страшно?

– Даже лучше. Скалы, кристаллы... они тоже помогут. Я уже проводил опыты с кварцем.

Элран кивнул:

– Я знаю такое место. Что нужно еще?

– Все остальное я сам возьму.

Элран кивнул еще раз.

Сам он возьмет.

Ага-ага. И старшие не заинтересуются. И охрана не понадобится. И лекарь, если что...

Ох уж эти ученые! Такие... гениальные, что даже страшно!

Шавель готовился к ритуалу.

Задумчиво отбирал кристаллы, взвешивал их в руке, прикидывал схемы.

Получится?

Не получится?

Фактически он включает себя в общее поле планеты. И кристаллы должны помочь, поддерживать, смягчить процесс.

Королева.

Он сможет ее найти. Именно он и сможет.

Шавель помнил ее величество. Помнил еще по тем беззаботным временам, когда она была маленькой девочкой.

Когда все были живы.

Когда еще не вышел на орбиту Дараэ флот Конфедерации ша-эмо и не предъявил ультиматум.

Или вы присоединяетесь к нам – или умираете.

Все.

Почему? Потому что вы не с нами, вот и вся причина. И в качестве доказательств они начали обстреливать планету.

Сколько даэрте погибло тогда...

Мужчины, женщины, дети – бомбы не щадили никого.

Чудом уцелела королевская семья. Его величество пытался договориться, но кончилось это плохо. И его, и его супругу попросту убили. Салею, их дочь, совсем еще малышку, захватили в плен. Наверное, собирались вырастить из нее свою марионетку.

Что с ней сейчас?

Этого Шавель не знал. Был твердо уверен, что она жива. Пока жива королева – живо и Перводрево, и Хранитель Дараэ, и сама планета.

Пока жива королева, жив и их народ.

Но даже ей бывает нужна помощь.

– Вель?

В комнату проникла сестренка. Шавель улыбнулся ей и подмигнул.

---

⁵ Соленая вода отлично проводит электрический ток. Кстати, и человеческий мозг остро реагирует на электромагнитные возмущения.

– Что, бельчонок? Что случилось?

– Ты мне поможешь завтра?

– Помогу, конечно. А что у тебя не получается?

– Не могу прокачивать каналы именно на капельных дозах силы. Вот на больших у меня нормально получается, а с мелочью... я слишком много зачерпываю, что ли? Вроде бы и стараюсь поменьше, а все равно... не получается! Не вижу, где ошибка!

Шавель прищурился.

Ну, эта проблема понятна и близка многим даэрте.

В условиях, когда Перводрево щедро делится энергией, они просто сияют, лучатся силой. И не привыкли работать медленно и кропотливо. Вот камнем шарахнуть они могут. А иголкой уколоть – нет, никак. Кто-то потом преодолевает данную проблему, а кто-то нет. Это ни на что сильно не влияет, даэрте прекрасно живут и без филигранной работы с потоками силы, но сестренка хочет лечить. И тут необходима ювелирная точность в работе.

Капель силы больше – и вместо спасения пациента ты его просто убьешь.

Сам Шавель этому научился очень давно, еще лет в пять, но недаром его считают гением.

– Помогу. Обещаю.

Сестра расцвела, поцеловала братика в щеку – и улетучилась. А Шавель остался сидеть среди разложенных кристаллов.

Да, и вот этот он тоже возьмет.

Для ритуала ему понадобится все возможное и немного больше.

Он справится. Недаром же его считают гением. Кто еще, если не он?

– Что вы задумали?

– Ничего.

Если бы старейшина Мирил хуже знал своего сыночка, оно бы и прошло. Но когда кого-то с младенчества таскаешь... то на руках, то за уши, начинаешь кожей ощущать вранье любимого чадушка.

Нагло и бездарно он врет, между нами-то говоря. Даэрте вообще врать не умеют, разве что могут недоговаривать. И то – неумело.

– Еще раз спрашиваю, Элран. Что. Вы. Задумали?

– Ничего.

Старейшина сдвинул брови. Сын понял, что следующей стадией будет трепка, и решил чуточку приоткрыть занавесь:

– Мы хотим подслушивать переговоры ша-эмо.

– Вот как?

– Ну... это пока только наметки. Вряд ли у нас что-то получится.

– Ты же знаешь, даэрте не способны пользоваться их... техникой, – последнее слово старейшина выговорил даже с отвращением.

Действительно, если есть технический кретинизм, даже технический терроризм... в руках даэрте отказывало все. Любая техника умирала в страшных мучениях. Что могло, то перегорало, что не могло гореть – просто рассыпалось в хлам. Природа такая, с этим ничего не поделаешь.

Именно потому ша-эмо до сих пор и не зачистили их планету, интегрировав все под себя. Им было интересно.

А вдруг?

Это какие же способности и возможности открываются?

Это же человека можно просто запустить куда-то... и все?

А если к врагу?

В его главный вычислительный центр?

Понимать надо! Вот вошел человек в здание, а потом компьютеры падают, падают, падают, сгорают, умирают, погибают...

Пока ничего не получалось. Таких даэрте, которые были готовы сотрудничать с захватчиками, просто не существовало. Но ша-эмо не оставляли надежды.

– Знаю. Но мы ищем пути. Может, у нас что-то и получится?

Старейшина Мирил кивнул.

Получится, помучиться...

Молодые всегда считают себя самыми умными. Ладно, чем бы дите ни тешилось, лишь бы на дереве не вешалось. Пробовать перехватывать переговоры – не страшно, пусть. Главное, диверсий в ближайшее время не предвидится. То есть карателей не будет.

Эх, дети-дети... можно вас родить, но как вас уберечь? От вас самих?

Нет ответа.

– Думаешь, получится?

– Надеюсь. Надо пробовать...

Вель с удовольствием оглядел маленькую пещерку, из которой за несколько часов получилось сделать настоящую лабораторию. В понимании даэрте, конечно.

Любой ша-эмо, придя сюда, пальцем бы у виска покрутил – в лучшем случае.

Где компьютеры? Электричество?

Техника?

Нет. Ничего такого нет.

Есть кристаллы кварца, аметиста, агата, яшмы... ни одного драгоценного камня, но почему-то с ними хуже получается⁶.

Как – драгоценного?

Для ша-эмо алмаз – богатство.

Для даэрте... он просто есть. Красив, но что с ним делать? Разве что твердый, это хорошо. Можно просверлить что-то, и только. Дикарское отношение?

Но у даэрте другая жизнь. И многое из того, что ценят цивилизованные люди, им попросту не нужно.

Ни к чему.

Даэрте не оценит алмазного ожерелья, но оценит удобную тарелку для супа. Глиняную. Несравнимо? Но попробуй съесть суп без тарелки. А ожерелье... так, игрушка.

В центре пещеры расположено озерцо с водой. Соленая, аж режет. Вель довольно кивнул, разделся и полез в воду. Аккуратно надел на голову кожаный обруч с большим кристаллом кварца, застегнул собранные из того же кварца браслеты, погрузил в воду руки.

– Вот так.

– Вель, ты уверен, что это не опасно?

– Уверен.

Не до конца. Но что может быть опасного в том, чтобы просто слушать?

Ничего!

---

⁶ Полупроводники делаются на основе диоксида кремния. В основе алмаза – углерод; в основе рубинов, сапфиров – оксид алюминия.

Только вот Шавель недооценил плотность потока информации.

Даэрте – и ша-эмо...

Как объяснить папуасу, что такое сотовая связь, как принимают и передают вышки, сколько разговоров может идти одновременно?

Никак.

Вот и Шавель, хотя осознавал саму идею, не мог правильно оценить количество информации, которое хлынуло к нему через кристаллы. Было полное ощущение, что вот он сидел на стуле – и в следующий момент на этом же стуле падает с водопада. Громадного, разноцветного, хаотичного водопада, в котором вода льется во всех направлениях сразу и увлекает его за собой... Шавель кричит, бьется – и все бесполезно.

Информация накатывала волнами, захлестывала...

Корабли, крейсера, рядовые ша-эмо, переговоры, переписка, связь на планете и над планетой...

Шавель понял, что сейчас просто потеряет контроль – и... умрет?

Это если очень повезет. А если нет... у него даже смерти не будет. Он переоценил себя. Просто переоценил...

Но... королева...

И ясные зеленые глаза маленькой девочки, с которой они когда-то вместе играли!

И – новый поток информации.

Но меньший.

Сам того не осознавая, Шавель сформировал поисковый запрос. И теперь отбрасывались все пустые разговоры, весь информационный мусор, которым ша-эмо щедро засорили эфир, и к нему стекалось все, что касалось королевы Дараэ. А это было меньше. На порядки меньше...

И все равно – слишком много для обожженного разума.

Шавель выхватывал отдельные крупинки информации, как жемчуг со дна, и понимал, что больше у него просто не получится.

Камера...

Опыты...

Друг Карт... наместник планеты даэрте, Лакс Рей, постепенно дожимал упрямую девчонку. Ломал ее защиту шаг за шагом, день за днем, и она поддавалась. Но ему тоже нужна была помощь.

Да, приятеля. Давнего, хорошего, некоего Дорна Карта... и если его назначат на Даэрте – вместе они и работать будут лучше, и справятся быстрее.

Вот и запрос, сформулированный наместником. Ему нужен помощник, сам он уже не справляется, и хорошо бы – именно этот ша-эмо.

Вот и... Шавель болтался в этом, словно в ядовитом болоте, понимая, что может не выбраться. Но в то же время четко осознавал происходящее. Прочитанное, увиденное.

Что тут неясного?

Ее величество не удастся пока сломать, она сопротивляется, наместнику нужна помощь.

Так, может, попробовать наоборот? Пусть ему пришлют врага?

А кто у нас главный противник наместника?

И снова поток информации, который буквально разлагает разум на составляющие части. Растирает его в клочья.

Каким чудом Шавель еще мыслит? Он даже сам не понимает.

Он не знает, что его тело сейчас корчится в судорогах в солоноватой воде озера.

Что хаотичными огнями горят кристаллы вокруг него, что несколько из них уже рассыпались, что Элран смотрит на это, оцепенев.

Он и рад бы вмешаться, но не получится. Насыщенность поля такая, что даже на расстоянии в два метра оно ощутимо. Оно покалывает разрядами, заставляет волосы вставать дыбом, пробегает по кончикам прядей крохотными шаровыми молниями.

Двое мальчишек даже и не представляли, с какими силами вздумали экспериментировать.

Но не оставлять же друга в беде?

Никогда!

И Элран решительно делает шаг вперед.

Последнее, что он успевает заметить перед тем, как его сбивает с ног мощным электрическим разрядом, – это шальная улыбка на лице Шавеля.

Друг что-то нашел.

Что-то сделал.

Что-то...

Их нашли утром.

Элрана – чуть живого. Со страшными ожогами, контуженого, получившего воспаление легких... будь он ша-эмо, получил бы и «укол милосердия». Или в просторечии – шприц с ядом.

Каждый ша-эмо полезен. Чуть больше, чуть меньше... и лечат их в соответствии с коэффициентом их полезности. То есть кого-то будут лечить, а кого-то нет.

Укол – и все.

На Дараэ не задаются вопросами полезности.

Голодного надо накормить, замерзшего обогреть, больного вылечить. Что тут неясного? Элрана унесли к целителю, и тот схватился за голову. Это как же надо влететь, чтобы вся аура была в дырах? Все каналы то ли порваны, то ли сплетены заново в чудовищное макраме... безумие какое-то. Просто безумие...

Как он еще жив-то?

И выживет ли?

Целитель делает все возможное, но получится ли его спасти?

Шавеля достали из бассейна совершенно целого. Не обгоревшего, не измученного, совсем как живого. И долго не могли поверить в его смерть. Он же невредим. Вообще – весь. От кончиков ушей – до кончиков ногтей. И внутренние органы все целы.

Но юноша мертв. Окончательно и бесповоротно.

Его аура отсутствует полностью.

Совершенная пустота, вот и все. Абсолютная.

Такого даже у мертвых не бывает. Уж точно не сразу. Остаются какие-то ошметки, какое-то свечение, иногда и душа рядом находится.

А тут – пустота.

Даэрте так и не разобрались в том, что случилось. Гений Шавеля опередил свое время, а Элран не сумел толком рассказать, что произошло. Вроде как Шавель нашел способ узнать, где держат королеву. А дальше...

А дальше он сам ничего разъяснить не мог. Потому что первую половину не понял, а вторую просто забыл к моменту выздоровления.

Но, судя по улыбке Шавеля...

У него что-то получилось?

Но что?

И как?

– Что за?!.

В выражениях Командор не стеснялся.

Что это, правда, такое?

Его, героя войны, который сейчас лечится после ранений (одно лекарство навещало его с утра, второе сейчас ждало в постельке), снова куда-то посылают?

На какую-то забытую разумом планетку?

Дараэ?

Да что там может быть интересного?

И кто... оп-па? Лакс Рей?

По губам Командора скользнула змеиная ухмылка.

Вот кого он терпеть не мог, так это Лакса Рея. Гадкая тварь! И на совести этой твари несколько сотен его, Командора, ребят. Давно еще, когда он был не Командором – обычным капитаном, а Рей уже тогда пробивался в заместники...

А ведь Дарс говорил, что не надо высаживаться просто так, что данные разведки недостаточны, что...

Нет, полез.

Надо подавить мятеж сейчас, вы должны...

Вот и получилось больше трехсот трупов. Должны... тварь!

И теперь Провидение отдает эту тварь в руки Командора. Раз уж кто-то в правительстве назначил его на ту планетку... Дараэ?

Замечательное название, правда же?

Восхитительное...

Командор не знал, что это Шавель на последних осколках разума выдернул его имя из информационного потока.

Не знал, что Шавель попросту поменял имя в запросе, который сделал Лакс Рей. Если бы все получилось правильно, на планету командировали бы некоего Дорна Карта. А вместо этого назначен Дарс Кет.

Будь запрос написан пером и на бумаге, да хоть на пергаменте, ничего бы у несчастного Шавеля не получилось. Но информационные технологии – богатое поле деятельности для чистого разума. Вот Шавель и справился. Никто ничего и не заметил, запрос ушел по назначению. Личный, приватный запрос заместника о помощнике и заместителе. Это каких-нибудь техников или лаборантов можно назначать самостоятельно. А на руководящие должности – шалишь! Тут требуется согласование.

Конечно, в Конфедерации ша-эмо каждый находит место исходя из личной полезности. Но... разве не полезны кому-то из членов Совета, к примеру, дядя, тетя, любовница брата и племянница парикмахера?

Очень полезны.

Понятно, на главные роли эту шелупонь не назначают, члены Совета кретинизмом не страдают и понимают, что кто-то же и дело делать должен! Но вот сидеть на тепленьких и удобных местах вторых секретарей, восьмых помощников, третьих подносчиков важных бумаг... там, где напортачить они не смогут, а полезны будут... о, это сколько угодно!

И они сидят. Просиживают хвосты и стулья.

Поэтому каждый наместник в курсе – какие именно должности надо согласовывать и с кем. Лакс Рей исключением не был. Отправляя свой запрос, правда, он действительно рассчитывал на друга.

Дорн Карт был троюродным племянником одного из членов Совета. А еще – полностью ведомым и безынициативным ша-эмо. Скажешь «сидеть» – так и просидит. «Лежать» – пролежит. За это его тоже ценили, кстати. Хороший «второй» без амбиций – птица редкая. Лакс с ним однажды работал. И они отлично нашли общий язык. У Лакса есть фантазия и планы, а Дорн воплощал бы их в жизнь. От и до.

Дарс Кет воплощать ничего не собирался. Наоборот. И тому были причины.

Старая война чиновников и военных. Такая старая, такая новая, такая повторяющаяся. Из поколения в поколение.

Одни видят людей только на бумажках.

Вторые идут в бой и рискуют жизнью.

Одни считают «допустимые потери».

Вторые видят эти самые потери воочию, видят кровь и трупы, слышат крики и стоны, рискуют и своей жизнью.

И почему-то не понимают первых. Наверное, жить хотят.

Лакс как раз был из чиновников, Дарс – из военных. И когда-то молодой подполковник Кет потерял своего лучшего друга. Они высаживались на планету, чтобы захватить кого-то... кажется, местного шамана, прошло уж больше двадцати лет... Дарс уцелел.

А его друга местные жители спихнули в ловчую яму, где он и умирал на кольях, смазанных трупным ядом.

По возвращении на корабли Дарс получил выговор за большие потери. И напился так, что чуть вся кровь спиртом не заместились.

А Лакс Рей, который планировал операцию, получил очередную нашивку. И повышение. Шамана-то захватили! И заставили говорить, что нужно Конфедерации.

Дарс не простил. И прощать не собирался. Никогда.

Правда, не думал, что выпадет шанс поквитаться. Но если ло⁷ Рею нужен помощник? Командор и не подумает отказываться.

Полететь на планету? Да он перед крейсером ногами побежит! Такая возможность свести счеты со старым врагом! Только надо подстраховаться.

Мысль у Командора никогда не расходилась с действием. А потому...

Как организовано общество ша-эмо?

Конечно, самым разумным и логичным образом.

Координационный совет.

Двенадцать Координаторов, один председатель Совета. Каждый Координатор является специалистом в чем-то своем. Военное дело, терраформирование, управление, торговля...

У каждого Координатора свой небольшой совет, подотчетный лично ему. Самые доверенные, самые проверенные, да, и самые эрудированные. Те, с кем можно посоветоваться. Можно обсудить вопрос, получить консультацию, расписать цели и пути их достижения. А дальше уже идет распределение задач нижестоящим. Таким образом достигается максимальная целесообразность. По мере необходимости привлекаются приглашенные специалисты.

---

⁷ Уважительное обращение. Ло – к мужчине. Ла – к женщине.

К примеру, среди Координаторов есть военный, но нет физика. Поэтому, когда понадобилась консультация по Дараэ, были приглашены несколько физиков-теоретиков.

Правда, встали в тупик.

Телепортация невозможна?

Но даэрте об этом не знали.

Странные создания входили в одну арку, выходили из другой, путешествовали по всей планете за считанные секунды – и не задумывались о невозможном.

Омоложение нереально?

Странные создания выглядели вдвое, втрое моложе своего возраста, при том что и жили раз в пять дольше, чем ша-эмо. И до последних дней своей жизни оставались юными и полными сил.

Странные создания практически не болели.

У них были целители, но в основном те лечили последствия несчастных случаев. Вот случился пожар, даэрте получили ожоги.

Вот случился обвал, даэрте получили раны.

Рак, от которого страдает большинство ша-эмо? Новообразования? Операции?

Командор поморщился, потер то место, где была печень.

Ему пересадили новую.

Да, это почти его орган, выращенный из ЕГО клеток... но почему так?! У ша-эмо при рождении берут набор клеток и тканей и хранят на всякий случай в криогенных установках. Это дешево, а вот вырастить орган – тут уже смотрим индекс полезности. Дарс очень полезен. И ему провели замену печени. В противном случае могли выкинуть доживать пару лет на крохотную пенсию. Или попросту сразу усыпить.

Да, и такое бывает. С самыми ненужными членами общества. Чего на них ресурсы тратить?

А у даэрте этого просто нет.

Они не болеют!

Зато отлично умирают. Забери их с этой лесной планеты – и они погибают, погибают, словно срезанные цветы. За несколько дней, даже без применения пыток. Поэтому и принцессу нельзя увезти с планеты. Она находится на базе, база на поверхности... там охрана, защита, но Кет все равно так не поступил бы.

И еще кое-чего нет у даэрте.

Военных.

Дикари.

Даэрте не умеют убивать. Вообще. Точнее... они не умеют убивать друг друга. А вот с ша-эмо они воевали. Но армии у них нет, войска нет... просто шли все. Мужчины, женщины, старики, дети... любой готов убить.

Безумная планета.

Командор читал про нее. Искал любые упоминания. Ему предстоит там работать.

Осталось только согласовать, КАК он будет работать, на кого и с какими целями. Совет – прекрасно. Но у каждого Координатора тоже есть симпатии и антипатии, цели и задачи, свое мнение. И не всегда мнения Координаторов совпадают.

А умный человек, к которым и относил себя Дарс, сумеет воспользоваться любым ресурсом. И административным в том числе.

– Проходи, Дарс.

Варден Шанер, Координатор военных, пригласил его лично. Дарс оценил.

Если бы на него сердились или ценили меньше, приглашение озвучила бы секретарша. В худшем случае – вообще андроид.

Дарс прошел в кабинет, привычно остановился по центру, отдал честь... кому-то другому, может, и не стал бы. Но Варден тоже воевал. Варден горел на крейсере, брал Лоран, шел в первой волне атаки на Эхмару...

Варден был свой. Военный. И не из тыловых крыс или снабженцев. *Правильный* военный.

– Садись, – махнул рукой Координатор.

Мужчины разглядывали друг друга.

Оба в черных мундирах с золотым шитьем. У Вардена наград больше, у Дарса меньше.

У Вардена голова седая, и биопротезы, и шрамы, которые не исправить никакой биопластикой. Один вообще через все лицо...

У Дарса пока столько нет. Хотя ранений хватает, но как-то умудрились залечить, шрамов не осталось.

А вот что у них общее...

Глаза.

Не важно, что у Вардена они голубые, а у Командора черные. Важно то, что плещется на дне этих глаз.

Ледяная решимость добиться своего. Убить врага, вырвать у него из глотки добычу... любой ценой.

Вообще любой. И не важно, сколько людей при этом придется похоронить.

Дарс молчал. Первым говорит старший по званию. И Варден не стал томить его ожиданием.

– Не знаю, почему пришел такой запрос. Я был уверен, что ты – предпоследний человек, о котором попросит Лакс Рей.

– ПРЕДпоследний?

– Последний – я.

Дарс позволил себе ухмылку.

О нелюбви наместника Рея к военным знали все. Тоже мне, секрет сердца!

– Допустим, Коор...

– Просто ло Шарен.

– Благодарю, ло Шарен. Я тоже не думал, что такое возможно.

– Если это случилось, надо воспользоваться. Рей прислал заявку, мы ее рассмотрели и утвердили. Ее переслали в мой отдел.

Дарс кивнул.

О подтексте он догадывался. Но... подождем.

– Мы топчемся на месте уже больше двадцати лет. Двадцать лет, Дарс. Двадцать лет, за которые мы ничего, понимаешь, НИ-ЧЕ-ГО не получаем с Дараэ. Лекарства, телепортация, даже их умение приводить в негодность любую технику... Лакс все тянет и тянет, уверяет, что уже вот-вот... и его прикрывает Тантарель. Я ничего не могу с ним сделать, не могу надавить...

Дарс кивнул.

Да, Координационный совет – идеальная форма управления. Но в нем тоже заседают живые люди. И они небезупречны. Координатор Тантарель отвечал за дипломатические отношения... и терпеть не мог военных.

Дурак.

Понятно, Лакс Рей пользовался его покровительством и поддержкой. И тут... такое!

Враг сам просит о помощи! Грех не помочь бедняге, правда же?

– Я хочу, чтобы ты отправился на Дараэ с самыми широкими полномочиями. И раскрыл там злоупотребления Лакса Рея.

– Злоупотребления?

– Уверен, они есть. Избыточная мягкость по отношению к местному населению, к примеру. Потакание местным властям. Может быть, что-то еще... недостаточная интенсивность воздействия...

Дарс кивнул:

– Я разберусь.

Он понял, о чем речь. Координатор фактически давал ему открытый лист. Прوماхи – их не будет. Дарс станет исправлять УЖЕ ИМЕЮЩИЕСЯ проблемы. А под это дело...

Что будет в Совете?

Дарс не знал. Но понимал, что его прикроют.

– Ло Кет, я надеюсь на ваше понимание. И на решительные действия.

– Ло Шарен, я сделаю все.

И возможное, и невозможное.

Мужчины переглянулись. И улыбки у них тоже были одинаковые. Волчьи, хищные. Они почуяли добычу.

Планету Дараэ и ее наместника ждали нелегкие времена. Дарс не собирался стесняться. Он их напалмом с орбиты зальет, если не получит нужного.

Люди?

То есть... кто там? Эти, даэрте?

А они не люди, в понимании Командора. У них уши другие, волосы, и вообще... это же дикари! Чего с ними считаться? Миллионом больше, миллионом меньше... туда им и дорога. Главное, что поручение Шарена будет выполнено. Идеально.

И Командор принялся обсуждать основные вехи предстоящей операции. Наверняка есть кто-то, кто может помочь, что-то, чего делать не надо, инструкции, которые может дать только Координатор... Дарс весь внимание.

Командуйте, ло Шарен. Я уже иду.

Шавель... был.

Он плохо осознавал себя, но он точно был.

Его разум, его сознание... что с ним? Так и выглядит крона Перводрева Дараэ?

Это должно было случиться с ним после смерти?

Странно как-то... не понять.

Он мыслит? Он существует... он – Шавель из рода Ваэлрон, его отец – Долиш, его мать – Маира... мама...

Шавель произвольно потянулся мыслями к маме.

Мама, мамочка...

Вот их дом.

Вот мама. Спит, а на щеках дорожки от слез. Рядом с мамой спит сестренка, обняла ее, прижалась покрепче – тоже плакала. Видно же...

И такой болью рвануло... сердце?

Разве у него есть сердце?

Он – Шавель из рода Ваэлрон, но кто или что он теперь такое? Явно не даэрте?

Или... или все равно? Живой ли, мертвый ли... Шавель хотел погладить маму по волосам – темно-зеленым, искристым, теперь с тонкими прожилками седины – и неожиданно провалился в ее сон. Когда мама качала на руках маленького Шавеля, когда пела колыбельные... словно комната. И он в ней оказался.

– Вель!

– Мама, мамочка...

Если бы кто-то увидел в этот момент Маиру, то заметил бы, что она улыбается во сне. Но рядом не было бодрствующих. И это было хорошо.

– Вель, сыночек мой...

И слезы хлынули потоком.

Шавель прижимал к себе маму, успокаивал, уговаривал.

– Мамочка, я не умер.

– Но, Вель...

– Это просто тело. Погибло только мое тело, мам. Не я сам, честно! Я живой, я себя осознаю, я ведь пришел к тебе. Это только тело, а я живой!

– Как такое может быть?

– Не знаю, мама. Но я еще разберусь. Мне кажется, у меня будет много времени.

– Сынок...

– Мама, обещаю. Я буду еще приходить. Если получится, я буду заглядывать в твои сны.

Только никому об этом не рассказывай, ладно?

– Хорошо, малыш. Только ты приходи, обещаешь?

– Да, мама...

Ах, как же не ко времени наступает утро! Вот бы ночь тянулась вечно!

Однако утром Маира уже смогла улыбнуться. Откуда-то, подсознательным чутьем любой матери, она знала – это не просто сон.

Ее сын жив.

Все было на самом деле. Просто он действительно как-то отделился от тела, но не погиб же! Он жив, только теперь у него будет другая форма! А это самое главное. Жаль лишь, у нее не появятся внуки. Но зато сын всегда будет рядом. Разве это плохо?

Долиш потихоньку перевел дух. Ну вот, жена пришла в себя, это замечательно. А то он волновался за супругу. Понятно, горе никуда не денется. Однако стоит пережить первый, самый острый приступ, и остальные... их тоже можно будет пережить.

А Маира молчала и улыбалась.

Это ее маленькая тайна. Между ней и Шавелем.

Сын жив.

Остальное?

А остальное совершенно не важно! Лишь бы он еще пришел... пусть во сне, но пришел! Она подождет, сколько нужно.

А вокруг планеты Дараэ было беспокойно.

Ноосфера бунтовала.

Выходили из строя самые передовые технологии, ломалось все, даже то, что не могло сломаться по определению... молотки и топоры держались дольше всего остального.

То связь отказывала напрочь, то менялись законы физики – не по всей планете, а точечно, то погода бесилась вопреки не то что прогнозам синоптиков, а даже здравому смыслу: снег посреди лета все же не самое обычное явление. И никто не знал, что происходит.

Никто и не мог предположить, что планета обретает свой разум.

Никто не мог этого даже представить, но Шавель действительно попросту растворялся в ноосфере, в которую так неосторожно сунулся. Разум, душа... все было интегрировано в информационное поле планеты.

Он еще не понимал этого, еще осознавал себя как Шавеля, однако с каждым днем усваивал все больше информации, поглощал все больше знаний, сливался с планетой, уже не мысля себя в отрыве от Дараэ. Компьютеры? Комплектующие? Кристаллы памяти?

Таким кристаллом для Шавеля стала вся планета! И радостно приняла в объятия личность одного из своих детей.

Если планета Дараэ подождет еще пару сотен лет, у нее может объявиться свой Бог? Или демиург? И он будет осознавать себя.

Не как Веля, нет. Разве что в основе останется нечто от Шавеля. Любовь ко всему живому, законы равновесия, уважение к жизни, забота о даэрте и Дараэ.

В каком-то смысле для него это действительно смерть. Смерть сознания, смерть части разума, и то, что получится, уже не будет Шавелем.

Но в основе его будет разум даэрте. Сознание даэрте.

И запрет на причинение вреда живому.

И любовь к своему народу, к своему дому. И много другого, что обещает нелегкую жизнь завоевателям. Но это будет еще очень не скоро.

А пока...

Пока ноосфера сходила с ума. Или приходила в него? И то и другое было одинаково нелегко для ее обитателей. Однако сделать они ничего не могли, оставалось лишь перетерпеть.

Разве что Элрану приснился Шавель. На следующий же день.

– Вель!

Виной в голосе молодого даэрте можно было два моря наполнить.

– Ран, ты чего? Грустишь, как бурундук над разоренными запасами?

Элран не стал врать ни себе, ни другу. Даже во сне.

– Это я все виноват. Что ты умер.

– А как я с тобой разговариваю, если я умер?

– Ты мне снишься.

– Ага, – сообразил Шавель. – А если я тебе скажу нечто такое, что знали только мы, ты мне не поверишь. Ран, я не умер.

Элран и так не поверил. Увы.

– Ран, сделай мне одолжение? Не страдай. Лучше помоги королеве.

– Королеве?

– Я кое-что сделал. Надеюсь, этого хватит, но буду помогать и дальше. Послушай меня и запомни. Я хотел получить доступ ко всей информации, которой владеют ша-эмо. Я справился, но ее оказалось так много, что мое тело не выдержало. А вот разум – жив.

Элран кивнул:

– Допустим. И?..

– Мой разум жив. Доступ к информации у меня есть. И я буду тебе сниться. Другого пути ее передачи я пока не нашел, к сожалению.

– Снись, ладно? Мне так легче, – Элран, конечно, не поверил. Но и отказываться не стал.

Здесь и сейчас он видел своего друга живым и здоровым, веселым и улыбающимся. А это так много! Невероятно много!

– Договорились. Ран, прекрати грызть себя. Я жив – и собираюсь выгнать отсюда ша-эмо.

Элран не стал спорить с другом. Он жив, это главное. Самое главное.

И жить Элрану после чудесного сна стало чуточку полегче, однако юный даэрте никому и никогда о нем не расскажет. И так он грыз себя поедом за то, что не спас друга.

Что согласился на авантюру, что...

Мало ли поводов для самоедства? Ох, хватает. Зубастый зверек совесть...

Элран молчал, а планета привычно двигалась по своей орбите. И время шло...

– Вы работаете с этой планетой вот уже сколько? Шесть лет?

– Восемь, Командор.

– И до сих пор никакого результата?

– Почему же? Планета практически освоена, население в резервациях...

– Это смешно, Лакс! Я видел планету с орбиты – вся зелень как была, так и остается...

– На планете есть и города.

– Что это такое?! Это – города?! В них жить невозможно, там ничего не работает! Освоено только семь процентов планеты! За восемь лет, Лакс! Восемь! Лет!

Лакс Рей, наместник планеты Дараэ, зло поглядел на Командора.

Семь процентов! Да ты бы, дрянь такая, и десятой части не сделал! Думаешь, тут все легко и просто? Прилетел, выжег напалмом и строй?

Здесь все не так легко! И Дараэ – планета особая, и подход к ней нужен... ему бы еще лет десять, и он бы справился! Стоит сломать королеву этих тварей – и планета сама ляжет ему под ноги! Он ведь объяснял, писал докладные, просил прислать толкового помощника...

Нет, прислали на его голову этого военного!

Издаются они, что ли, всем Советом и каждым Координатором?

– Вы докладывали, что у вас в плену находится правительница местных аборигенов?

– Да.

– Почему до сих пор вы не склонили ее к сотрудничеству?

– Потому что я над этим работаю, – огрызнулся Лакс. – Работаю!

– Плохо работаете.

– Уж как умею...

– Приказ, – Командор провел рукой над наручным компом, и над компом Лакса засветился вирт-лист приказа. – Читайте.

Лакс пробежал взглядом по строчкам, скрипнул зубами.

Сволочь!

С этого момента Командору передавалась вся власть над Дараэ, чтобы он «выявил и исправил недочеты». Ну-ну...

– Где эта правительница?

– В камере.

– Проводите меня в лабораторию и прикажите привести ее туда же.

Лакс покачал головой:

– Зря вы это, Командор. Зря.

– Я не просил ваших советов. Вы получили приказ?

– Да.

– Исполняйте.

Лакс снова скрипнул зубами и вышел.

Вот ведь... напрыскают из штаба... всякого. А кому исправлять?

Ему потом все это исправлять, ему... почему, ну почему прислали не Дорна? Он же просил! Он же писал! С Дорном он бы и договорился, и работали бы вместе, и объяснить старому другу все можно, а этот... лом титановый!

Лакс Рей искренне считал, что люди делятся на две категории. Первая – люди физического труда. Они большие, сильные (не завидует он! Хотя тому же Командору уверенно смотрит в диафрагму, а когда стоит рядом с ним, возникает ассоциация с большим червяком. Но сказано же – НЕ ЗАВИДУЕТ!) и созданы для того, чтобы не приходилось напрягаться второй категории людей. Они незаменимы, когда надо, к примеру, передвинуть шкаф, выкопать канаву, пойти на войну... ясно же! Для того их мир и создал!

Вторая категория – люди интеллекта. Именно так, не интеллектуального труда, а интеллекта. Потому что думать, планировать, играть в трехмерные шахматы – это не вполне работа, это образ жизни. Если привык Лакс просчитывать свои действия на сорок шагов вперед, он так и будет делать. И понятно же, что он самой судьбой предназначен, чтобы управлять этим стадом баранов. А заодно учить тех, кто глупее. Учить правильно управлять.

Признавать интеллект за людьми вроде Командора Лакс решительно отказывался. Тупые же вояки!

Фу!

Признавать за ними право распоряжаться своей судьбой или оспаривать его приказы? Об этом вообще речь не шла. Никогда!

И вот, словно насмешка!

Он, человек развитый, тонко чувствующий, стратег и тактик, вынужден подчиняться ЭТОМУ!

Тупой вояка!

Лакс опять скрипнул зубами, но....

Проводить?

Хорошо же! И провожу, и покажу, и дождусь, пока ты наделаешь кучу ошибок! И устрою так, что эту кучу навалят на твою могилу. А я приду и воткну табличку.

Только вот...

Одну мысль Лакс гнал от себя, словно назойливую муху.

Допустим, Командора-то он утопит. А сам выплыть сможет?

Как же Салея их ненавидела.

Нет, не так.

НЕНАВИДЕЛА!

Она никогда не думала, что ярость бывает такой.

Ослепительной, оглушающей, невероятной....

Когда за дверью ее камеры раздались шаги, Салея привычно скорчилась на своей койке. Закрыла лицо, чтобы не выдать себя сразу же, с первой секунды. Держаться, держаться, ДЕРЖАТЬСЯ!!!

Цивилизация не признает гнилой соломы и крыс в казематах.

Цивилизация несет с собой нечто иное. Хотя Салея была бы рада соломе – это часть живого, настоящего... и крысам! Они тоже – живые!

Но не было ничего!

Белые стены, пол, потолок, гладкие, словно ты внутри яйца. Откидная койка. Стол и стул. Все из белого пластика, легкого и прочного. Не сломаешь. Никак...

В углу – отверстие для физиологических нужд. Над ним сосок души.

И – свет.

Слепящий яркий свет, от которого не спрячешься, даже завернув голову в тонкую наволочку. Одеяла на кровати – и то нет.

Комфортная температура. Впрочем, Салея знает, как легко в камере может наступить мороз. Или адская жара, когда в теле не остается ни капельки лишней жидкости. Это не пытки, нет. Это сбой в системе, так и записано. Или эксперименты...

Из одежды – белая рубашка.

Все тоненькое, почти в руках расплзается, на такой веревке даже удавиться не выйдет. Но Лакс Рей предусматривал все.

В углу ее узилища висит простая черная коробочка. Камера. Если Салея сделает что-то, что не понравится тюремщикам... они тоже сделают нечто такое, что не понравится ей. Вы никогда не слушали сутками одну и ту же музыку? Никогда не жили несколько дней при свете – пульсирующем в произвольном ритме? Так, что даже защититься не выходит... и спать не получается. Кстати – и это. Вам могут несколько суток подряд не давать уснуть. Тоже пытка. Только цивилизованная. Конвенционно одобренная, следов ведь не остается!

Оставалось сидеть и целыми днями смотреть в одну точку.

Впрочем, кое-что Салея могла сделать и в таком положении.

Силовой каркас организма претлично развивается в любых условиях. Достаточно капельки силы, которой и спичку-то не зажжешь, но чтобы она – была! А дальше...

Упражнения отработаны веками! Десятками веков практики! Повторяй и повторяй...

И девушка раз за разом разгоняла по венам теплую каплю. Пока есть жизнь – живет надежда. Так говорила мама. Так считала и сама Салея.

Слишком это страшно – сдать. Особенно в восемнадцать лет...

Шаги за дверью Салея не услышала. Но почувствовала.

Каждым волоском на теле, каждой порой кожи... до истерики....

Дверь открывается беззвучно. Это она тоже знала.

И – темное пятно на пороге.

Салея ненавидит этого человека всей душой. Она знает, как его зовут.

Лакс Рей, наместник Даэрте. Но про себя она называет его кислотным слизнем. Он такой же... мерзкий, полужидкий, разъедающий все на своем пути. Только вот даже слизи приносят пользу миру. А этот – лишь вред...

Ненавижу...

– Вы не передумали, принцесса?

Салея молча качнула головой.

С врагами не говори ни о чем, – так учил отец. Любое твое слово они используют против тебя. И потому Салея старалась молчать, в крайнем случае отделяясь односложными ответами.

Не сейчас...

Тяжелая рука ухватила ее за подбородок, дернула лицо вверх.

– Зря вы это, принцесса. Со мной можно было договориться по-хорошему. А сейчас... не знаю, что с вами сделают. А ну, пошли в лабораторию...

Салея молчала.

Даже когда ее перехватили за длинные волосы и больно потянули за собой.

По белым коридорам.

В белую лабораторию со сверкающими металлическими инструментами...

И черное пятно посередине.

Мужчина, стоящий у операционного стола, словно грязная клякса. Пятно сажи на снегу. А взгляд черных глаз откровенно хищный, злой... он, наверное, в два раза больше Салеи.

– Принцесса Салея.

Молчание.

– Позвольте представиться. Командор Дарс Кет. Прислан вместо наместника Лакса. Поговорим, как разумные люди?

Молчание.

Командор начал раздражаться, но не отступил:

– Я вам дам один шанс принять решение. Со мной можно договориться по-хорошему. А можно по-плохому. Вы будете сотрудничать, принцесса?

Молчание.

И взгляд в пол.

– Нет? Тогда вы бесполезны для нашего дела. А раз так... – Тяжелая рука ухватила Салею за волосы, сильно вздернула голову вверх, намеренно выламывая шею. – Слушай. Завтра утром я спрошу еще раз. Если твой ответ снова будет «нет» – тебя приведут сюда. Для начала обреют налысо, потом сюда, сюда, сюда, – палец мужчины намечал точки на висках, лбу, затылке, – установят электроды. И начнется первый сеанс. Здоровые мужчины ломались после третьего, тебе на всякий случай сделают десять. После чего тебя можно будет использовать, как мы захотим. Я знаю, потомство вы даете только по желанию. Но ты ничем не будешь отличаться от животного. И желание... оно будет.

Рука мужчины очень красноречиво скользнула по ее груди.

Салея отпрянула... попыталась. Вторая рука, которая так и держала ее за волосы, не пустила.

– Насилие не даст результата, но насилия не будет. Ток просто выжжет в тебе разум... и все, принцесса. Все для тебя будет кончено.

Салея медленно кивнула.

Кончено?

Что ж, не худший вариант.

После смерти родителей, после гибели селения, после нескольких лет заключения в белой клетке...

– И это тебе не поможет, – палец мужчины коснулся Дубовой короны. – Я знаю, пока ты не созреешь, ты ни на что не способна... завтра утром за тобой придут. А куда тебя поведут... скажешь сама.

Салея упорно молчала.

Мужчина выругался и отбросил ее от себя. Девушка не удержалась на ногах, свалилась, задела стол, зазвенело стекло...

Конечно, дураков тут не было.

И все собрали, и проверили, и ее обыскали.

А потом отправили обратно в камеру.

Салея шла по коридору. Все эти двери она знала. И бывала практически за всеми. Где-то ее мучили физически, где-то психологически.

И только в камере она позволила себе выдохнуть.

Да, есть такая детская игра. Змейка называется. Салея ее обожала, могла часами крутить между пальцами любой предмет. И...

Еще одна вспышка памяти из прошлого.

Чуть расслабиться она позволила себе только на кровати. И то – скорчившись в позе безудержного отчаяния. Изображая боль и горе. Талантливо, на камеру изображая. Научилась! Научили!!!

Как раз и не видно, что она прячет в гриве густых волос осколок стекла. Не слишком большой, но достаточно длинный и острый. Ничего она на себе не прятала – спрятала на охраннике. Он толстый, и предметов одежды и оружия на нем предостаточно. Он и не почувствовал. А потом, когда охранник повел ее обратно...

Слепые зоны камер вычислить несложно. Для нее...

Одно движение, совершенно случайное, – и осколок у нее в руке.

Им вполне можно перерезать себе вены. Но ведь откачают!

Салея не станет упускать свой единственный шанс на спасение.
Нет-нет, никаких глупостей.

А завтра...

Тонкая фигурка застыла на кровати памятником скорби. В голове девушки роились сотни планов, перебираемых и отбрасываемых, пока не остался только один – основной. И два запасных, так, на всякий случай.

Она справится.

Она должна.

Папа, мама, я не подведу вас! И свой народ тоже...

– Командор, вы думаете...

– Сломается, Вук.

Дарс Кет расположился на удобном диване. Вытянул ноги. Первый день прошел вполне прилично. И дела ему передают, и Лакс Рей от злости бесится, но ничего предпринять не может, и проблему с даэрте Дарс начал решать. Да, своими методами. И что?

Девчонка сломается. Она не боец, это сразу видно. Обычная дурочка...

И можно позволить себе побеседовать с секретарем.

– Не знаю... она точно с ума не сойдет?

– Нет, девчонка крепкая. За эти шесть лет не сошла, и теперь не сойдет.

Вук хмыкнул.

– Обидно будет утратить наш единственный ключ к этому миру. Пока еще появится другая королева, пока вырастет... времени пройдет много!

– Не утратим, даже не переживай. Завтра мы получим доступ ко всей энергии этого мира, Вук. Уже завтра... так или иначе...

Командор потянулся, выразительно зевнул... его клыкам мог бы позавидовать средних размеров волк.

Действительно, обидно, когда между тобой и силой, властью, могуществом стоит всего одна сопливая девчонка, которую никак не удастся сломать. Ну ничего, это до поры...

И пора настанет – завтра.

– Командор приказал спросить, что ты надумала.

Салея привычно молчала.

– Идем к нему?

– Нет, – разомкнула она бледные губы.

Тюремщик нахмурился.

– Тогда... к доку, в лабораторию. Он уже с утра готовится, мечтает тебя распотрошить...

Салея промолчала.

О чем тут говорить?

С кем?

Это даже не люди, это... оскорбление живой силы Дараэ!

Она молча шла по коридору.

Салея даже не сомневалась – в камере за ней наблюдают. В коридоре тоже, но тут... тут у нее есть один шанс.

Всего один.

И когда они проходили мимо нужной ей лаборатории... Салея рискнула.

Осколок стекла сам выскользнул из гривы волос и, словно обретя свою волю, вонзился охраннику между шеей и плечом.

– Именем Дубовой короны!

Хлынула алая кровь.

Яркая, живая, сильная... Салее много и не надо было.

Кровь – это жизнь. Жизнь – это сила.

Теперь ей нужна самая малость – только смочить в крови кончики пальцев. И провести ими по лбу. Там, где виднеются наросты... словно под кожей кто-то расположил по контуру головы выпуклые бляшки...

И сила пришла.

Ворвалась в нее, как удар, как ураган, как порыв ветра. Заставила закричать, выгнуться... и принять.

И в следующий миг всей обретенной силой Салея ударила в дверь, на которой было написано:

Лаборатория изучения пространственных порталов.

Она знала, ЧТО ждет ее за этой дверью. Чувствовала. Кожей ощущала.

Скрипнул и поддался электронный замок. Куда уж ему... Салея попросту выжгла ему все мозги и начинку.

И вот – ОНА.

АРКА!

Та самая, которую украли у них, которую пытаются изучить... порталный круг.

Пусть пытаются.

Салея сделала шаг внутрь, второй, пустила свою силу по порталным камням.

Она знала: сейчас на станции объявлена тревога. Она слышала вой сирен, видела мелькание огней... у нее есть минута, может, две... даже и их, наверное, нет.

И сейчас сюда мчится ОН.

Ее ночной кошмар.

Но ей нужны всего лишь несколько секунд. Совсем чуть-чуть...

Все ярче горят порталные камни, все быстрее кружатся вихри силы...

И наконец – ослепительная вспышка.

Когда Командор ворвался в зал с порталом, там уже ничего и никого не было.

Только мертвый охранник в коридоре. И никаких следов принцессы Салеи.

Глава 2

Таня шла домой.

Шла, честно говоря, кое-как, нога за ногу, потому что устала, как собака. И кто бы на ее месте не устал?

Сначала медколледж, в котором она честно отпахала с половины восьмого до четырех, потом подработка до самого вечера... посидеть? Отдохнуть? Нет, не слышала.

Понятно, домой – едва-едва, вспоминая ту самую поговорку...

Сто километров – не расстояние, сто рублей – не деньги, сто лет – не старуха...

Чувствовала себя Таня так, словно ей сто лет и надо проползти еще сто километров. Силы под вечер попросту исчезали куда-то.

Еда?

Последний бабушкин пирожок был съеден примерно шесть часов назад, и его остатки бесследно растворились в организме. На улице Таня еду не покупала... и дорого, и мало ли что... отравишься – на несколько дней из жизни выпадешь. Полчаса сытости не стоит подобного риска, лучше потерпеть, подождать.

Да, вот это в юных медиков крепко вбивается.

Микробы, токсины, ботулизм...

Если так прикинуть – зараза и опасность поджидают хрупкий человеческий организм на каждом шагу. Как люди еще в палеолите не вымерли – непонятно.

Ну и денег нет...

Ладно-ладно, она бы сейчас и любой токсин скушала, и переварила... просто – нет денег.

И на то, чтобы доехать до дома, – тоже. Поймать бы частника, но где ты его поймашь в десятом часу вечера, да еще неподалеку от кладбища, да и район такой...

Хороший район, собственно говоря. Но промышленный. И с кладбищем.

С другой стороны, где живет, там и живем! Нет пока денег на квартирку в центре Барска, в Красноармейском районе?⁸

Заработаем!

Но это потом, а пока... спасибо хоть так-то живы.

Таня тащила, проклиная сволочей, которым нравится бить лампочки в фонарях, переступая тяжелыми «говнодавами», и когда из переулка вышли трое подвыпивших парней, даже их не заметила. Пока орать не начали, дурными пьяными голосами.

Сначала она даже не отреагировала. Обычно и компании такие на нее не реагировали никак. Но эти, видимо, выпили более чем достаточно. До полного заливания спиртом междуушевого канатика.

– Дев-шка, а де-ву-шка?

– Эт-та... мы тут г-ляем!

– К... пания н... жна!

Таня молча прошла мимо...

Как же! Метод, который обычно срабатывал, на сей раз дал осечку. Какая-то пигалица – и мимо?! Да они, да оно... Ух!

А тут кому-то не ухает? И не восторгается?

---

⁸ Автор меняет и название города, и названия районов.

А мы ее щас того! Восторжим! Или ухнем! Или...

Обычно фантазия у подобных компаний гадкая, активность высокая, а результаты действий – плачевные. И рыдают потом такие детинушки горячими слезками, с воплем: «Ня виноватыаааа мыыыы!» Только вот их жертвам это никак не помогает.

Никогда.

Тане тоже не помогло бы, потому что ее дернули за плечо, назад. А потом...

Не сдаваться же без боя? Конечно, нет. Только вот где они, те самые боевые приемы, непобедимые героини и газовые баллончики?

В кино.

А в жизни да в нужный момент – увы. Или заканчиваются, или еще что... нетути. Совсем нетути.

Так что история бы завершилась, не начавшись, если бы не...

– Ой, – сказала Таня.

За спинами хулиганов вспыхнуло нечто зеленое, похожее на заклинание «Авада Кедавра» из фильмов про Гарри Поттера...

А поскольку единственное, что задерживается в головах подобных особей, – это фильмы и игрушки, они так это и опознали.

– Мамааааа! – заорал самый сообразительный. И кинулся наутек.

– Бежим! – дошло и до оставшихся двоих.

Таня, которую так и бросили на месте, даже дергаться не стала. Бежать – куда? Вперед? Угодишь в сияние.

Назад? За этими козлами?

Простите, уважаемые рогатые млекопитающие. Те, кто имел дело с козлами, знают, что напрасно с ними сравнивают подобных представителей рода человеческого. Козел-то всяко умнее, полезнее, а иногда и внешне интереснее подобных «мущщщцин».

А если они сейчас на триста метров отбегут да сообразят, что за ними никто не гонится? Да захотят продолжить веселье?

Не-ет, ей такого не надо.

И Таня оставалась на месте. Только к стене дома прижалась.

Грязная, конечно, ну да ладно. Переживем... наверное. Сияние ей точно ничем не угрожает, не дерется и не кусается. Авось ничего и не случится.

Зеленое сияние вспыхнуло еще раз – и Тане почти на руки из него вывалилась девушка.

– Пипец, – сказала Таня, уже понимая, что это неспроста.

Будущий медик, более того, фельдшер-акушер, она прекрасно могла оценить ситуацию. Уже сейчас.

Девчонка была худой, как скелет, замороженной, в каком-то белом балахоне вроде больничной рубашки, только штампа на животе не хватало; длинные темные волосы доставали аж до колен, стянутые в нескольких местах чем-то вроде жгутов.

А вот еще...

Это Таня узнала сразу.

Шрамы от игл.

Шрамы на венах, на руках и ногах... наркомания?

Не похоже. И обычно наркоманы вот так не появляются. Из зеленого света и воздуха.

Сияние погасло, девчонка шлепнулась в грязь, Таня включила фонарик на мобильном и внимательно осмотрела окрестности.

Получалось так, что несчастная выпала на асфальт прямо из стратосферы. А больше и неоткуда. Прямо по Булгакову⁹.

---

⁹ «И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида».

Ну нет здесь подходящих случаю зданий. И самолет тоже не пролетал, и даже ковер-самолет...

И что теперь делать?

Для начала...

Нащупать пульс, проверить дыхание... Таня готова была поклясться, что девчонка жива, просто истощена до крайности.

А делать-то что?

Допустим, у Тани, как у будущего медика, и нашатырь есть в сумке, и... нет, вот капельницы с глюкозой нет. А она бы сейчас пригодилась. И поесть нечего. И даже чай из бутылки она весь допила...

Конфеток – и тех нет! Даже самых паршивых леденцов. Да и не леденцы тут нужны, а нормально откармливать ребенка.

Оставить ее тут?

Вызвать полицию? «Скорую»?

Таня не обольщалась. Знала она, как работают эти службы. То есть да-да, конечно, очень хорошо. Никто и спорить не будет! Но без денег, документов и родственников со связями туда лучше не попадать.

Дура она?

И не лечится, а жаль. Сейчас ей как раз и можно, как студентке БМК, то есть Барского медицинского колледжа. Любые врачи посмотрят... заодно и студентам покажут... и все на халяву, и все мимо!

Таня ворчала про себя, а сама уже поднимала с асфальта легонькую девчонку. По всем правилам: руку себе на шею, разогнуться так, чтобы не сорвать спину... научена уже.

И – ррраз!

И пошли!

Куда?

А вот куда надо, туда и пошли... домой, то есть. Две улицы осталось и один закоулок.

Ох, что ж я дура-то такааааая?!

Девчонка висела тряпкой. И Таня радовалась, что уже вечер. Поздно... а то бы соседи влезли с вопросами, и что им ответить? Была в морге, взяла работу на дом?

А так – тишина. Хотя ей и с домом в этом плане повезло.

Есть такие дома – восьмиквартирники. Строились они во времена Иосифа Виссарио-ныча, и строились так, что его двухсотлетний юбилей, наверное, отметят.

Да, в них не идеальная планировка.

Да, изначально в них была предусмотрена печь и не предусмотрен туалет.

Но вот конкретно этому дому повезло. В нем имелись кирпичные перекрытия и даже санузел, а Танин дедушка в свое время смог передвинуть перегородки, ну и получились у них и ванная, и туалет. Раздельные.

Благо в туалете даже окно было предусмотрено.

И второй раз повезло Таниному деду, когда ему дали не двушку, а трешку.

Вот и он...

Двор с клумбами, качелями и сараями, отгороженный от других дворов.

Вход в дом. На первый этаж – и тут же лестница идет на второй¹⁰.

На первом этаже четыре квартиры. Три двушки, одна трешка. На втором то же самое. Архитектурный минимализм, балконов нет.

Подвала нет.

Коммуникации все проходят под полом первого этажа. Хочешь делать ремонт – вскрываешь полы.

У них первый этаж. Так что на полу два ковра, один на другом. Тане еще и ничего, а вот бабушка мерзнет. И сырость тоже...

Ключ повернулся в замочной скважине.

Фууууу, поползла!

Впрочем, на планировку квартиры Таня не жаловалась. Вход – небольшой тамбур. В нем даже был выделен чуланчик для одежды.

Из тамбура три двери. Одна в гостиную, вторая в спальни, третья на кухню и в санузел.

Гостиная – самая большая комната. Две спальни – совмещенные. В дальней спит бабушка, в ближней Таня. Вот перегородку между спальней и кухней дед и перенес немного. Получилась ванная – два квадрата, туалет – два, кухня – семь и спальня – девять. Живи, друг, не надо себе ни в чем отказывать.

Хотя после войны – дворец!

Таня кое-как сгрузила бесчувственную девчонку прямо на пол – и выдохнула.

– Фу, Гном!

Симпатичная мордаха черного ротвейлера послушно сдала назад. Две кошки – Муся и Люся – назад не сдали, полагая, что «фу» и кошки – это вообще несовместимо!

– Танечка, что случилось?

Бабушка кое-как вышла в коридор. И Таня улыбнулась: нет-нет, все в порядке, правда...

– Бусь, ты не волнуйся, ладно! Я тут немножко... в общем – вот нам еще одна подобрашка.

Бабушка даже плечами не пожала.

А что тут скажешь?

Ротвейлера в свое время кто-то выкинул из машины. Три перелома, до сих пор на заднюю лапу прихрамывает. Не взрослого выкинули, нет. Щенка-подростка. При ней было, она его и забрала. А уж Таня ему уколы колола, бинтовала... спасли.

Мусю Таня спасла от усыпления. Пришла с Гномом в ветклинику, купить обработку от блох-клещей – им это надо, тайга кругом, – а туда на усыпление принесли молоденькую мейн-куншу.

Прегрешение?

А вот! Покупали как породистую, и выяснилось, что породы особо нет, разве что половинка, но есть лишай. Хотя, по Таниному мнению, такие хозяева заслуживали и оплешиветь, и опаршиветь.

Нужна вам статусная игрушка? Так купите чучело! Кормить не надо, не линяет, под ногами не путается. И будет вам счастье! Опять же, чтобы остограмниться, простите, инстаграмиться, чучело и переодевать можно, и в любой позе сажать.

Нет?

Так купите чучело на шарнирах!

А это – живое существо! Что ж вы сами-то из-за лишая утопиться не пытаетесь? Не? А что так?

---

¹⁰ Серия домов КС-8-50. Если кому интересно – до сих пор стоят. Не-не, это не аварийное жилье, по сравнению со многими другими; это очень даже неплохо, если дома не саманные, а кирпичные.

Жалела Таня только об одном. Надо было морды набить Муськиным хозяевам. Но... тогда б кошку точно забрать не получилось. И так ветеринар ее потихоньку потом отдал, с заднего крыльца.

С Люсей – тоже обычная история. Котенок, газон, снег, зима... и люди, равнодушно проходящие мимо. Авось найдется кто-то, подберет, пожалеет... да-да, и там котенку будет лучше.

Бабушка Людмила пройти мимо не смогла. И обрел трехцветный котенок и дом, и кормушку, и старшую подружку. Хотя по длине Люся как раз была с Мусин хвост.

Пришлось лечить бедолагу и от пневмонии, и от чесотки... ну да ладно. Справились.

Единственный минус – Люська отказалась отзываться на другое имя. Люся – и все.

Ну и ладно. Бабушку все равно называли только Милой, а Люську обычно звали Заразой. Точно знали, кто тут главная шкода и вредина...

Характер такой, куда деваться.

Эта подобрашка была покрупнее, но бабушка все равно ничего странного не заметила. Надо же расти над собой?

– Танюша, ты ее как-то посадила бы...

– Бусь, я ей сейчас укольчик сделаю, а там разберемся, и кто, и откуда... сама видишь – она никакая.

Бабушка видела.

И понимала, что бросить девчонку в таком состоянии было нереально. У них хоть и областной центр, а дряни все одно хватает.

Сдать в полицию – «скорую помощь»?

Так первый вопрос будет: не вы ли ее до того довели? Второй, третий... кто у нас крайний?

Тот, кто сбежать не успел. Судьба такая.

И начнется...

Нет-нет, все Таня сделала правильно. О чем бабушка и сказала. Жаль, помочь ничем не могла.

Суставы... застарелый артрит, зараза, гнул в дугу. Как тут кого-то таскать? В магазин сходить было сложно. Кое-как квартиру убрать да поесть сварить – и то дело.

Таня, впрочем, и не нуждалась в помощи.

Она цапнула из стоящего на полке мешочка горсть кедровых орехов, сунула в рот и принялась активно жевать. Самое то, чтобы не свалиться...

Вот так!

Теперь – ботинки в обувницу, а то есть тут отдельные хвостатые...

Ветровку – май на дворе, не жарко по вечерам – на вешалку, свитер туда же. И перехватить поудобнее девчонку. Ванная?

Ладно, полотенцем обойдемся. Влажным. Пока...

Чтобы в доме у будущего медика да витаминчиков не было?

Рука у Тани тоже была легкой. Так что девчонку она уколола легко и быстро. А потом принялась обтирать влажным полотенцем и разглядывать.

М-да.

Кадр, однако... или кадавр? Тоже похоже.

Это на улице не видно, а здесь и сейчас...

– Тань, а она вообще человек? – не выдержала первой бабушка Мила. Нравились ей и «Сверхъестественное», и «Секретные материалы». И вообще... были предпосылки.

Начнем с цвета волос.

Зеленых.

Таких, словно их в зеленке сутки вымачивали. Краской такое... нет, вряд ли такого добьешься краской. Корни вон тоже зеленые.

Строение лица.

Лицо – абсолютно овальное.

Нет-нет, не как это у косметологов записано, а именно что овальное. Узкий подбородок плавно переходит в расширяющиеся скулы – и потом опять сужается. И лоб получается почти треугольный.

Четкий геометрический овал.

На лбу – наросты.

Причем какие-то странные, словно коричневые бляшки на коже.

Кожа – смуглая. Может, и загар. А может, и от природы такая, чуть светлее, чем у индусов, но не намного.

Нос – тонкий и ровный, губы – бутончиком, классическим. Брови – две совершенно ровные и прямые полосы. От переносицы – и до висков. До бляшек.

Глаза пока неясно какие.

А уши?

Таня послушно продемонстрировала бабушке ухо девушки.

Не эльфийское, не заостренное, а такое... словно в форме дубового листа. Первое, что в голову приходило при взгляде на уши.

Дубовый лист – сверху уже, снизу шире, вырезы такие характерные по краю уха.

– Какая-то она нетипичная, – задумчиво высказалась бабушка Мила.

А что? Артрит – дело такое, хорошо хоть мышкой двигать не мешает. И по интернету лазить.

Насмотрелась.

Таня вздохнула.

– Буть, у нее ноги в грязи, но не сбиты. То есть она не шла никуда. И... вот, смотри.

На полотенце явственно были видны кровавые разводы.

– Раны, царапины есть?

– Нет.

– Значит, или где-то она по крови походила, или на нее попало. М-да... пока не очнется – не разберемся, – подвела итог бабушка.

А в следующий миг девчонка открыла глаза.

Большие, зеленые... и с вертикальными зрачками.

– Твою мать! – высказалась Таня.

Девчонка отшатнулась, вжалась в стену... дальше там было просто некуда, взвизгнула...

Таня тут же отскочила назад, подняла руки; правда, жест мира слегка обесценился грязным полотенцем... бывает.

– Тихо, тихо, все в порядке, тебя никто не тронет.

– Аэлла лалараллен...

Дальше Таня вообще не разобрала. Какая-то певучая трель.

Бабушка Мила только головой покачала. А потом отодвинула внучку в сторону.

– Ну, тихо, тихо... всякое бывает лихо, все пройдет, зима пройдет, и весна нас скоро ждет...

Тут важны не столько слова, сколько тон.

Спокойный, теплый, уютный, как бы говорящий – ты среди друзей. И девчонка расслабилась.

А потом перевела взгляд чуть левее.

Муське и Люське надоело ждать, когда на них обратят внимание. А что такое пара метров для взрослого мейн-куна?

Один элегантный прыжок – и Муся уже на кровати. Вовсю обнюхивает девушку. А потом еще и под руку полезла – гладь! Ты что – не видишь? К тебе кошь пришла!

Люська прыгать не стала. Пузикое такое... подчиняется законам гравитации. Бывали и недолеты, и просчеты. Поэтому она ужиком проскользнула между ногами людей – и тоже вскочила на кровать.

– Шелэсси?

Таня развела руками. Может, и эта... эсси. Кто ж тебя знает с твоим иностранным?

И едва не проехала верхом на ротвейлере, который тоже протиснулся поближе к дриаде. Подумаешь, между ног у человека! Ротвейлер – собачка «некрупная», почти чихуахуа, только откормленный. Интересно, кто эта девчушка, что к ней зверье так липнет?

Эльфийка?

Кто ее там разберет!

Зеленые глаза оглядели комнату. Остановились на здоровущей финиковой пальме – и девушка словно расслабилась.

Из нее будто проволоку выдернули, а была та проволока под током.

– Авеллэ...

– Тань, ты иди, кушай. А мы тут разберемся, – вздохнула бабушка Мила. – Суп на плите, вот заодно и ей бульончика налей, ладно? Чует мое сердце – это надолго.

Танино сердце тоже так чуюло.

А сама Таня чуюла аромат лапши. И есть хотелось – зверски.

Кастрюля стояла на плите. Таня нацедила в кружку бульон и принесла в комнату.

Демонстративно сделала глоток из кружки, протянула ее девчонке. Мимоходом порадовалась, что та действительно расслабилась. В угол уже не жалась, это хорошо.

Вся живность ее просто оккупировала. Кошка под одной рукой, кошка под второй рукой, умильная собачья морда на ногах...

– Совести у вас нет, рассадники для блох, – высказалась Таня, передавая кружку.

На нее посмотрели три пары удивленных глаз.

Совесьть?

У них?

Да ла-адно! Хвост они мышинный положили на ту совесьть.

Девчонка понюхала. Осторожно отпила, потом сделала еще глоток.

– Аса.

– Иди, кушай, – напомнила бабушка. И уверенным жестом накинула на плечи девчонке свою шаль. Теплую...

Та послушно укуталась, принюхалась... конечно же, мята! От шали пахло любимой бабушкиной лимонной мятой. И сделала еще глоток. И еще, на глазах розовея.

– Вот так, маленькая, – продолжала тихо приговаривать бабушка. – Все, что было, – пройдет, все снежком занесет, а по снегу следы – все до талой воды, все избудется сном, убежит колесом, уплывет по воде, не вернуться беде...

Такие присказки бабушка могла сотнями складывать. Сколько раз Таня под них засыпала...

Ох, а сейчас как спать хочется! Но сначала – лапша!

На кухне Таня почти всосала в себя тарелку лапши за пару минут – и вернулась к бабушке.

– Бусь, как найденка?

– Ее зовут Салея.

– Салея, – ткнула в себя незнакомка. – Салея ортариэтте шалаэн...

– Мила, – ткнула в себя бабушка. – Людмила Владимировна Бочкина. Таня. Татьяна Михайловна Углова.

– Ми-ила. Та-ния. Салея, – еще раз повторила незнакомка.

– Лея? – предложила Таня.

Девушка подумала.

– Лея... ала!

– Кажется, она согласна на Лею, – решила Таня. – Бусь, я поела, завтра мне опять с утра крутиться... давай я ей душ-туалет покажу, да всем спать. Достанешь ей пока бельишко? Можно из моего...

– Хорошо, детка.

Таня кивнула – и протянула руку к незнакомке.

– Можно? – развернутой ладонью вверх.

И Лея вложила в ее руку свои пальчики.

Полноценной ванны у Тани с бабушкой не водилось. Повезло – была душевая кабинка. В соседнем доме решили сделать аптеку вместо квартиры, проводили ремонт, ну и выкидывали мебель. Бабушка Мила не растерялась.

В итоге сталинских времен жутковатая ванная с отколотой эмалью уехала на помойку, а их ванная комнатка обзавелась симпатичной душевой кабинкой. Кстати – довольно дорогой. А самое главное – на халяву¹¹.

Таня потыкала пальцем в телефон. Дома он ловил интернет исправно, так что ролик найти было несложно.

– Душ.

– Дюушшш.

– Почти правильно. Смотри...

Лея уставилась на экран, словно на чудо. Потыкала в него пальцем, телефон предсказуемо завис. Таня вздохнула, сбросила окошко и поставила ролик заново. Потом показала, как включается горячая вода и холодная, дала шампунь и мыло. Повесила на гвоздик полотенце и халат.

Лея увлеченно за этим наблюдала.

И ей, несомненно, нравилось.

Даже то, что рубашка была явно бабушкина, фасона «мешок противотанковый», а халат – дешевым, китайским, с ромашками и выцветшим.

И унитаза.

Она посмотрела ролик, кивнула – и отправилась в тесную клетушку. Коснулась двери – можно?

Таня поняла, прикрыла дверь, подождала, пока незнакомка сделает свои дела, потом показала ей на душевую кабинку – и вышла.

Пусть моется.

Ей надо пока диван разложить, постелить... бусе сложно будет.

Ничего... жизнь – такая штука. Лучше жалеть о том, что помог, а не о том, что прошел мимо.

Может, ты и поможешь лишний раз сволочи. Но сам-то останешься человеком. Разве нет?

---

¹¹ Невыдуманная история из жизни.

Салея стояла под горячими струями.

Вода пахла какой-то гадостью, но это было не важно. Совсем не важно!

Она все сделала правильно! Побег удался.

Правда, у нее теперь не так много времени, но это уже другое, совсем другое...

Интересно, куда она попала?

Впрочем, главное, что не к ТЕМ. У тех нет животных, нет растений... они любить не умеют. А тут... Салея чувствовала мягкое тепло любви всей кожей.

Эмпатия – такая штука...

Девушка Та-ния любила Ми-илу.

И животных они любили. Салея не стала обращать внимание на Танин тон, потому что злости в нем не было. Она ворчала, но ей и в голову не пришло отпихнуть собаку, столкнуться на пол кошку...

Выданные ей вещества пахли какими-то травами и снова химией, но отмывали хорошо. И лучше их запах, чем... тот.

Салея поежилась под горячими струями и решительно перекрыла воду.

Вот так.

Исходящую от девушки усталость она тоже чувствовала. И от ее... родственницы?

Да, похоже.

У них схожая аура, от них схожие ощущения. Судя по возрасту... бабушка? Прабабушка?

Они не такие, как даэрте, они выглядят иначе, но очень похожи. Две руки, две ноги... впрочем, ТЕ – тоже похожи. Но они не даэрте, вообще не люди. Они хуже зверей. Они монстры в обличье людей.

Потому что ни одно живое существо не будет так жестоко.

Природа бывает и коварна, и расчетлива, но в ней все находится в равновесии. Жестоким, но необходимым.

А то, что ОНИ делали...

Сейчас она не станет об этом думать.

Она слишком устала. И ей плохо... она все обдумает завтра.

Салея это точно знала. И обдумает, и попробует поговорить с местными жителями, и узнает, куда попала...

А сейчас она вытерлась полотенцем, которое сладко пахло травой... настоящей, не химической, не искусственной... потом надела на себя рубашку, млея от ее ощущения... ничего общего с лабораторными рубахами, и рюшики эти забавные...

Потом накинула сверху еще одно платье. Платье, наверное?

И вышла из ванной.

– Ой-ой-ой, – сказала Таня.

И показала на ее волосы.

Салея развела руками. Что поделать? Наверное, придется отрезать... жаль, конечно, но надо. Она их кое-как промыла, раздирая руками, но расчесать?

– Бальзам.

Салея покачала головой, не понимая, о чем речь.

Таня вошла в ванную, протянула руку и взяла с полки коробочку. Открыла, показала, что там нет ничего страшного, только желтоватая масса, которая тоже пахла травами, – и решительно зачерпнула пальцем.

Растерла между ладонями, потом протянула руки к Салее. Можно?

Та поняла и шагнула навстречу. Опасности она не чувствовала, только желание помочь. И усталость.

Таня принялась втирать бальзам в ее волосы.

Сначала в кончики, потом взяла расческу и показала, как распускаются узелки в зеленых тяжелых прядях.

Салея поняла.

– Бал-сам.

– Да.

– Ала.

Девушки переглянулись, Салея зачерпнула бал-сам и тоже принялась втирать его в волосы. И все равно прошло не меньше получаса, прежде чем они расчесали всю ее гриву. Потом Та-ния заплела ее в косу и завязала лентой. Красивой, белой.

– Аса...

Таня только рукой махнула. Вымоталась она так, что упасть бы! Какие там силы!

Просто – упасть! И уснуть...

Пойти в тайгу, выкинуть из берлоги медведя, попинать за то, что он, гад такой, всю зиму спит, залезть самой в берлогу – и спать!

– Пойдем.

Кровать была не особенно мягкой, но после того ложа... Салея как на облако улеглась. И белье было желтым, в забавных мишках, и пахло цветами, и кошки запрыгнули на кровать и принялись мурчать и когтить одеяло, а рядом возникла забавная песья морда.

Салея улыбнулась животным.

И растениям... Тут вся комната в зелени.

Салея чувствовала, как оживает внутри ее сила, расправляет крылья... каждое животное, каждое растение – ее сила.

Но здесь ей не с кем было драться. Здесь царит мир.

Она откинулась на подушку.

– Аса, Та-ния...

– Спи, Лея. Все будет хорошо.

Таня выключила верхний свет, резкий и жгучий, напомнивший о лаборатории. И, повозившись, достала откуда-то снизу белого зайца. Потянула какую-то веревку, воткнула ее в стену.

Комната озарилась... нет, полноценным освещением это не назовешь. Но было видно, что происходит.

– Ночник, – назвала предмет Та-ния. И, понимая, что собеседнице слово ни о чем не говорит, нашла очередной ролик.

Салея кивнула.

Там, конечно, был не заяц, но она поняла. Это светит, пока ты спишь. Чтобы не испугаться, если проснешься.

Она еще раз поблагодарила – и через минуту уже спала. Таня только головой покачала и пошла к бабушке.

– Бусь... можно?

Бабушка Мила готовилась ко сну. Она уже и переоделась, и рядом все необходимое поставила, и даже от кошек-собаки закрыла... крючки они открывать умеют, но не беззвучно. Можно проснуться и их шугануть, чтобы не лишиться блистера с таблетками (ими обожает

играть Муська) или бутылки с водой, которую преспокойно уносит Гном. И разгрызает, поросенок такой! Не-не, специальные косточки и мослы мы не грызем. Нам нравится разгрызать именно пластиковые бутылки. Вот подай – и все тут! Собачке так желается и изволится!

– Заходи, детка.

– Бусь... ты прости. Я не думала...

Мила только рукой махнула. Нашла, из-за чего расстраиваться...

– Не переживай, Танюша. Что не разберем, то выкинем...

– Выкинешь ты, – проворчала Таня. – Бусь, у меня завтра четыре пары, я тогда на спорт забью – и сразу домой. Помогу тебе, а вечером побегу по больным.

– Может, не надо забивать?

– Тебе с ней сложно будет. Я бы осталась, но сама понимаешь...

Бабушка понимала. В медколледже пропускать нельзя. И без уважительной причины – и с оной. Все равно придется потом отрабатывать пропущенные занятия.

А как?

Если подработки, если сил иногда просто нет... опять что-то переносить?

С ума сойдешь, выкраивая из одного носового платка семь наволочек.

– Ничего, Танюша. Мы справимся. Ты с утра беги, а после обеда вернешься.

– Хорошо. Бусь, ты у меня лучшая.

Ответом Тане была ласковая улыбка.

– Спокойной ночи, детка.

– Сладких снов.

Таня плюхнулась на свою кровать.

В качестве извинения за подхалимаж к чужому человеку пришла, помурчала Люська. Потом Муська. А Гнома, который плюхнул тяжеленную голову ей на ноги, Таня и просто не заметила. Уже спала. Тяжелым глубоким сном без сновидений.

На орбитальной станции царило уныние.

Командор бушевал так, что к нему боялись подходить... да собственно – все! И был повод.

Лакс Рей довольно ухмылялся. Соперник просчитался с самого начала, он допустил такой шикарный промах, что... и ему достанется, и его Координатору! Упустить королеву!

Считай, матку этих безмозглых даэрте!

И не просто так упустить! Через портал!

Где она может быть сейчас?

А вот где угодно на планете, и даже на другой планете! Если вообще жива! Если ее тонким слоем не размазало по измерениям, как это случилось с подопытными животными, которых пытались запихнуть в арку телепорта. И как теперь быть? Где ее искать?

– Как это могло случиться?! Как эта сопля порезала охранника?

– Пронесла кусок стекла...

– Кто не уследил? Казнить. В молекулярном распылителе, – рыкнул Командор.

Стекло она могла подобрать только тем вечером.

Но не себя ж обвинять?

Нет, не себя. Охрану. И в этом есть своя правда. Если обыскивали, но не нашли – значит, плохо обыскали. Чего тут неясного?

Впрочем, все было просто.

Видимо, смерть охранника придала девчонке сил. Видно было, как она смачивает руку в крови, а потом легко выносит дверь.

Съемка безжалостно показывает, как от ее приказа начинает работать портал, как фигурка падает куда-то далеко, в зеленое сияние...

Командор скрипнул зубами.

Ну... что тут скажешь?

За прошедшие на орбите годы ша-эмо так и не смогли понять принцип работы технологий даэрте.

Научники клялись, божились, каялись, рыдали, бились в конвульсиях, но НЕ ПОНИМАЛИ, как это работает. Повторить? Что вам повторить? Можно по второму кругу поклясться, побожиться, порыдать, покаяться... ах, технологии повторить?

А вот с этим хуже. Давайте мы опять поклянемся, порыдаем, побожимся...

Значит... выход только один.

Спуститься вниз, наловить даэрте и донести до них простую истину.

Их правительница ушла неизвестно куда. Если они хотят ее найти... пусть ищут.

Ша-эмо не станут чинить им препятствия. Найдут – хорошо. Не найдут... найдут, куда они денутся. Им эта тварь нужна как воздух! И за поисками можно понаблюдать с орбиты. А заодно понять больше о технологиях даэрте.

Давно б их всех размазали тонким слоем по планете, но – телепортация! Кто тогда раскроет ее секрет? Проще уничтожить большую часть даэрте, а остальных ассимилировать под себя. Что и происходило, собственно, пока сюда не явился Командор.

Лакс Рей методично ломал правительницу даэрте, загонял население в резервации, вводил все более жесткие режимы контроля... и лет через десять ему бы точно все удалось. Но тут слонем в посудную лавку ввалился Командор.

Теперь Дарсу Кету предстояло исправлять все, что он наворотил. План действий он уже составил, что тут сложного-то? Даем даэрте чуть больше свободы действий – и внимательно за ними наблюдаем. С орбиты. А потом действуем по обстоятельствам.

Прекрасный план?

Да просто великолепный.

Осталось только привести его в исполнение. И Командор отлично понимал, какие трудности его ждут. Но... выбора все равно не было.

Упустить девчонку?

Считай, прохлопать планету. Пока еще родится новая королева даэрте, пока она пройдет инициацию, пока... нет-нет, это уже не десять лет, а все сорок получится, если не пятьдесят. Координатор за такое не похвалит. И его соперники в Совете преотлично воспользуются шансом, организуют подставу. И Дарс....

Понятно, званий и медалей его никто не лишит. Но индекс полезности понизится. А он собирался как раз взять себе поместье на одной из колонизированных планет... на это и деньги требуются, и связи. Да, и индекс тоже.

Ситуацию надо было срочно исправлять. А поскольку нерешительностью Командор не страдал и даже слова такого не знал, он скомандовал всем готовиться.

Операция по возвращению принцессы началась.

Лакс Рей смотрел на это с ехидной улыбочкой, но молчал. Его это не касается.

Он приказ получил, он предупредил, что так нельзя, он говорил... его послушали?

Нет!

Ну и чего вы хотите? Лично Лакс не собирается класть свою голову под топор. Он говорил, его не послушали... а два раза дуракам не повторяют. Пусть теперь этот солдафон покрутится, как змея в водовороте...

М-да.

Всего восемь лет на планете, а уже заговорил как местный.

Все же Дараэ – особая планета. И подход к ней нужен особый, не такой прямолинейный. Но раз уж Командор сам пожелал... Пусть сам и расхлебывает. А Лакс ему даже ложку подарит. Большую... и сам вооружится вилкой и ножом. Скоро, очень скоро он сожрет своего врага. Правда, королеву это не вернет, но Лакс не такой дурак. Один раз он отловил девчонку, справится и во второй раз. Только это будет дольше и труднее... ну и ладно! Ему компенсируют все затраты.

Командор все видел, все понимал и злился еще больше. Но... сам нарвался. Увы.

Ничего! Он решал все поставленные перед ним задачи. Решит и эту. Подумаешь – Дараэ! Да что могут эти дикари противопоставить его армаде?

Правильно, ничего!

Или все-таки?

Нет-нет, эту мысль Командор отогнал на подлете и принялся планировать дальше. Недаром его считают гением стратегии и тактики. Он справится с поставленной задачей. Даже если придется выжечь всю планету с ее обитателями напалмом.

Глава 3

Первая пара начинается в восемь тридцать. Вторая – в пятнадцать минут одиннадцатого. Третья – через два часа и четвертая – в два с хвостиком. То есть раньше четырех часов не выберешься.

Анатомия, патология, прочие радости жизни... и радостей – много.

Два занятия теоретических, два практических.

А на анатомии сложно.

Особенно когда практические занятия.

Ну и... вот честно – Тане непросто было рассказывать про половые органы. Особенно про мужские. Когда ты в глаза ни одного не видела, разве что на картинках и муляжах. Но это – не то. Вроде и наука, но стесняешься. Особенно когда в классе шепчутся, шушукуются и хихикают. Понятно – над тобой.

Преподавательница терпела ее заикание. Она уже сорок лет анатомию преподавала и таких девчонок – то краснеющих, то бледнеющих – много повидала.

Сложно рассказывать про то, что ты еще на практике не видела, только в теории знаешь. Особенно если девочка из приличной семьи... не принято у нас свободно беседовать на подобные темы. Или романтика – или похабщина, и чаще второе.

А тут еще хрюканье в классе. Ну да, соплячье, особенно мальчишки самоутверждаются. Ребята в медколледже – народ редкий, тут ведь как...

Оторочку ты получишь от армии, но только до окончания колледжа, потом надо сразу в институт поступать. Или – вперед, в кирзовых сапогах...¹²

Да и вообще... редкость – одним словом.

А тут сразу пятеро в группе.

И собралась тройца...

Сережа Попов, Дима Мельников, Олег Жаров.

Причем все, как на подбор, молодцы, красавцы, каждый под два метра, улыбки, прически, одежда, аксессуары...

Ну, коновод тут Попов, у него папаша богатый, так что сынок с понтами приезжает каждый день в колледж на своей машине. Не на «жигулях», нет...

На «тойоте». Какая-то черная, явно из недешевых.

Парни постоянно ездят с ним, а короля, как известно, играет свита. А в таком малиннике, как медколледж... парни и не сомневаются, что они – короли. Тут ведь как – любая клюнет, только помани. Есть, есть исключения, но они чаще подтверждают правила.

Кто не клюет? Да местные «королевы», такие тоже есть. У них и цель, и цена другая. И охотятся они не на студентов. Но развлечься не откажутся, особенно за чужой счет.

Преподавательница смерила взглядом особо зарвавшуюся девицу и многообещающе ей улыбнулась.

«Королева» занервничала и заткнулась.

Ярослава Руслановна славилась своим откровенно мерзким характером и злопамятностью, носила прозвище «жаба ядовитая» и очень им гордилась.

А вот так!

---

¹² Преподавательница думает о временах своей молодости, когда такие сапоги действительно были в ходу.

Еще есть Ваня Цыган, да, фамилия такая, но он – не конкурент. На голову ниже любого из парней, откровенно невзрачный, тощий, ушастый, как последнее воплощение Чебурашки...

К тому же – из деревни. Живет в общежитии, успехом у девушек особым не пользуется... не то чтобы его все обходили стороной, но это вариант – на безрыбье и безводье. Тут он, кстати, тоже старается. И Ярослава Руслановна знала почему.

Ваня начал активно искать себе девочку с квартирой. К примеру, та же Углова. Прописка есть, а из семьи одна бабушка. Женись, а дальше... будет видно. Но Угловой он был настолько безразличен – она даже не поняла, что за ней ухаживать пытаются. Смотрела, как на стенку. Вот Ваня и злился. Вот и пакостничал.

Последний из пяти парней в группе – Руслан Петров.

Вообще темная лошадка. Одет весьма средне, явно не в фирменные вещи, а в шмотки из сетевых магазинов, но все гаджеты – последних марок и выпусков. Пользуется общественным транспортом, активно зубрит все темы от и до и, кажется, собирается стать хорошим медиком. Но обувь у него, для понимающего человека, чуть ли не ручной работы.

Стипендию он получает, и даже повышенную. Но – равнодушно как-то. Он сейчас и смотрит сочувственно на Таню. Не подсказывает, тоже видит, что девчонка знает тему, но ей просто тяжело... хотя бы не подшучивает, не корчит рожи, не ухмыляется многозначительно.

Ярослава Русланова подняла руку.

– Так... Углова – садись. Пять за знание предмета, два за изложение, итого – четверку авансом поставлю, но чтобы завтра конспект мне сдала на проверку.

Конспект тут же лег на парту перед преподавательницей.

Ярослава Руслановна проглядела его – и авансовая четверка стала вполне себе твердой.

Девчонка явно и перерисовала, и учила... а, стеснительность не для медиков, но все ведь разные? К третьему курсу обтешется, никуда не денется.

– К доске – Попов и Извольская.

Студенты послушно вышли, переглянулись.

– Судя по вашему хихиканью, вы прекрасно знакомы с темой ответа... – От ласковой улыбки Ярославны Руслановны побледнела вся группа. – Попов снимает штаны, Извольская показывает, где что находится, – и разъясняет. Руками можете не трогать, дам указку. Даже лазерную, чтобы не травмировать гениталии.

Шутники побледнели.

Ну да, издеваться над девчонкой – одно. А вот ответить за свои слова, да еще так...

Ладно-ладно, Жаба телефоны на своих занятиях не выносит. Сразу звереет, если видит, выгоняет из класса, ставит двойку – и до сессии не пересдашь. Но ради таких кадров телефоны найдутся, ребята и не сомневались!

И объясняй потом, что это практическое занятие.

А что?

Уколы они на манекенах тренировали, ИВЛ тоже, а вот бинты, лубки... это лучше на живом человеке. Может, и показывать тоже нужно на живом? И ведь не пожалуешься! На что? На то, что материал показывают на практике? Унизительно?

А медицина вообще штука такая... пациент и в крови бывает, и в дерьме, и какой угодно, и где угодно. Вон недавно одного привезли. Свалился в деревенский туалет, типа сортир. Едва спасти удалось.

– Что, не готовы?

Еще пара секунд промедления.

– Обоим по двойке. Конспекты на стол. Немедленно.

Тетради были тут же выложены и пролистаны преподавателем.

– Та-ак... Попов, я смотрю, вы отлично знакомы с темой? Какие рисунки, какая экспрессия! Особенно на последних листах. Автопортрет? Или друзья попозировали? В натуральную величину, или это ваши эротические фантазии?

Сергей злобно шипел сквозь зубы. Ну... нарисовал.

Обычно это в туалете рисуют, но вот захотелось. На последней страничке тетради... думал, потом вырвет... вот ведь – ЖАБА!!! Ядовитая!

– Извольская, у вас такого натурализма нет? Вы попросите Попова позировать. Может, он перед группой стесняется, а наедине вам не откажет? Линеечку возьмите, циркуль... только с последним осторожнее, если увлечетесь измерениями, можете травмировать иголкой мягкие ткани.

Парни представили и побледнели.

– Двойка за урок, двойка за конспект, ко мне на отработку запишетесь по данной теме. И запомните. В медицине нет места стеснению. Но и похабень свою оставьте для туалетов. Там ей самое место. Углова, и ты запомни.

Таня кивнула.

Запомни-запомни... а если он ей нравится?

Вот если Сережа Попов ей действительно нравится до ужаса? Он такой... высокий, стройный, симпатичный... и добавим еще – богатый, зазнайка и лишний раз на нее не взглянет.

Она ведь совсем непримечательная.

Вот он – высокий, темноволосый, глаза карие, улыбка такая... замечательная. А она?

Рост средний, телосложение тощее, половые признаки с лупой искать надо... чего вы хотите – от постоянной беготни и, скажем честно, недоедания, волосы неопределенно-темные, глаза серые, черты лица усредненные... скучно.

Таких на пяточок – пучок.

Таня грустно вздохнула, понимая, что этим дело еще не завершится. И верно – стоило паре закончиться, как началось ее самое нелюбимое время.

Перемена.

– Углова, ты чего сегодня мямлила, как чмо?

Катерина Извольская была настроена агрессивно. Поди пересдай старой Жабе! Озверещь раньше...

– Я не мямлила, – тихо отозвалась Таня.

Орать она вообще не умела, горло словно спазмом перехватывало. До боли, до тошноты...

– А че тогда это было? Ты что – ни одного члена не видела? Ты целочка еще, да?

– Твое какое дело? – окрысилась Таня, понимая, что уши предательски краснеют.

Ну... и что?

Кто сказал, что девушка обязана, окончив школу, а то и раньше, прыгать в постель абы к кому, лишь бы прыгнуть? Американские фильмы, что ли?

Да тьфу на них! Кто-то вообще задумывался, что стандартный набор: «секс, наркотики, рок-н-ролл» – это для инфузорий с интеллектом тапочек? Вряд ли...

Скорее думают: это ярко, красочно, все так делают... а шлюхи, вроде той же Извольской, еще и орут.

А ты че – не?

Каково это – бежать не в общем стаде? А вот сложно! До слез и криков сложно!

Таня не бежала и не собиралась. Может, она и хотела бы, если по любви, с хорошим человеком, но у нее... обстоятельства. Только в них тоже Извольской не признаешься и не объяснишь. А и скажешь... разве что новые насмешки будут.

– Как – какое? Сережик, надо помочь девочке! Ты знаешь, что Танечка еще девочка?

– Че, серьезно?

От похабного взгляда стало еще и больно, и обидно. Когда герой твоих грез на тебя ТАК смотрит... это горько.

– Сережик, я понимаю, что тебе будет сложно. На такое... Это как на пулемет! И помереть героем! – Голос у Извольской был на редкость противный. – Но я могу тебе помочь.

– Купить виагру?

– Сережик! Можем объявить сбор пожертвований! Тому герою, который решится лечь в постель с Угловой.

– Это сколько ж пожертвовать придется?

Попов тоже был зол из-за двойки.

Ну, приколотся, и что? А теперь... Жаба мальчишек вообще не любит, гоняет и вдоль, и поперек. А отец прямо сказал, что если он будет лоботрясничать в колледже, то мединститут ему зарежут. И будет Сережа ходить строем.

И сразу денег дать отказался, в Барске мединститута нет, только в соседней области. Сережа бы отца дожал, но то отца! Уперлась маман: куда мальчика в семнадцать из дома отправлять? В другой город?! Он там сопьется – сколется – девку найдет – триппер подцепит...

Вот подрастет – другой разговор. Но сначала пусть тут поучится. Кстати, и работу найти сможет, и поступать будет уже проще, как медработнику, платить меньше придется. Деньги в семье есть, но это ж сколько надо! Квартиру снимать, да не абы какую, сыночку на карман выдать, за институт платить... папаша все посчитал и решил, что мать права.

Поэтому сидеть ему три года под родительским крылышком, тем более что сам он экзамены не сдал, папандр башляет. И за институт тоже платить будет.

А за двойку...

М-да.

Визгу будет – жуть.

И во всем эта дура виновата.

Нет, не сам Сережа, который считал себя очень остроумным и заводным. А невзрачная девчонка в драных джинсах и самовязаном свитере.

– А я сейчас сообщение в общий чат скину, – хохотнула Извольская.

– Не смей! – не выдержала Таня¹³.

– И что ты мне сделаешь, сопля? – Извольская была уверена в себе и собиралась как следует поразвлечься за счет невзрачной зубрилки.

Помощь пришла неожиданно.

Из-за угла, как корабль на всех парусах, выдвинулась Евгения Михайловна.

Сестричка, то есть ведущая основы сестринского дела.

И тут же разъяснила политику партии и правительства.

– Попов, Извольская – место!

Рык получился такой, что студенты в струнку вытянулись. Евгения Михайловна, несмотря на общую сублидность, могла полком командовать и голосом корабля в тумане заворачивать.

– Углова, Извольская тебя что – к Попову приревновала? Оно и понятно, едим-то мы конфету, а не фантик, хоть он как блести. Брысь отсюда. А вы двое – за мной!

– А че... – начал было Попов, но недоговорил. Ответом ему стал милейший взгляд.

– В кабинете паразитологии давно требовалось переставить и протереть банки с глистами. Займетесь. И я подумаю, не вменить ли вам это в обязанность... каждую неделю будете порядок наводить. Поняла, Извольская? И ногти сейчас острижешь.

Катерина скрипнула зубами.

Ногти у нее были шикарные, хоть и средней длины, но со стразами, с росписью...

---

¹³ Если кто думает, что автор преувеличивает, – увы. Автор еще матерщину опустила. Из лично услышанного.

– Мне директор разрешил...

– Ничего. Я с ним еще поговорю на эту тему... шагом марш! Стричь когти и протирать глистов! Углова – я непонятно сказала «брысь»? Так я повторю – кыш! Перемена заканчивается, а ты наверняка еще не обедала.

– Нет, Евгения Михайловна.

– Шагом – марш.

Таня проводила удаляющуюся троицу сложносоставным взглядом.

Извольскую она бы удавила. Попов... ну нравился он ей, что поделать?

Евгении Михайловне просто спасибо... отличная она тетка. Пожилая, конечно, ей уж лет шестьдесят пять, а то и все семьдесят, но умная. Пару раз она Таню заставляла жующей бутерброд под лестницей. И наверное, что-то поняла... не было у Тани денег на столовую. Проще из дома «ссобойку» взять.

Только вот есть приходится в большой тайне, а то однокурсники шанс поиздеваться не упустят. Можно подумать, в киосках чем-то другим торгуют! Да то же самое! Булочка, в ней сосиска вареная, кислая капуста, маринованный огурец... только когда это домашнее, хоть изжоги не бывает. Но кому это интересно? И кому можно объяснить?

Никому.

Таня направилась в привычное место, под лестницу.

Еще вчера она бы с ума сходила, обдумывая каждое свое слово, каждый жест, каждый взгляд Сережи, каждую его интонацию, находя миллион значений и вдвое больше причин для отчаяния, но сегодня... сегодня у нее и так были причины для сумасшествия.

Как-то там бабушка с найденкой?

Людмила Владимировна чувствовала себя вполне неплохо.

Профессия геолога, знаете ли, ко многому приучает. Тем более что она не кабинетный работник, в поле ходила.

Всякое бывало.

И с медведями виделась, и от волка на дереве отсиживалась, и по рекам сплавлилась...

Это уж сейчас она, считай, ни на что не годна. Смолоду не побереглась – к старости суставы решили отомстить нерадивой хозяйке. Но мстили они вполне обоснованно. Ночевки в палатках, походно-полевая жизнь, где уж тут уберечься? Вот и ребенок только один получился...

Сама виновата. Все сама. Но жить было интересно и весело.

А сейчас...

Таня с утра умчалась в колледж. Молодец внука. Старается, работает, учится... ну и Мила тоже обузой быть не должна. Пенсия?

Это так, плюсом.

А остальное...

Таня с утра выгуляла Гнома. Во дворике, буквально на десять минут. Умный пес понял, что вечером прогулка будет подольше, и не стал спорить, сделал свои дела и пошел домой. А еще...

– Так, хвост-команда! Идите кушать!

Священное слово произнесено!

Кушать!

Задираются хвосты, загораются глаза, слышен топот слоновьей конницы Александра Македонского – герои летят!

Правда, в тарелках не так чтобы икра и омары. Нет, все намного проще. Универсальное блюдо и для них с Таней, и для собак, и для кошек.

Берется курица, отваривается, в бульон засыпается крупа и варится до готовности. Потом курица перебирается на мясо и кости, кости летят в мусор, мясо идет в ту же кашу.

Вкусно, сытно, калорийно, полезно... можно еще траву добавить какую.

Не «Ройял канин»?

Увы, не всем по карману элитные корма. И вообще, вы знаете, сколько лопают взрослый мейн-кун? Как раз пенсии на корм для кошечки хватит. На месяц. А наполнитель уже с других источников дохода покупайте...

Хотя и Муська, и Люська свои дела предпочитали делать во дворе.

Первый этаж ведь, свой двор... уходить? Вот еще! Они – кошки! Умные и порядочные! Это пусть к ним коты приходят, а им и так неплохо. Вышли, лапки размяли, вернулись...

Из гостиной послышался слабый шум, вроде бы – стон?

Бабушка Мила насторожилась – и двинулась туда.

Что-то там с девочкой?

Салея открыла глаза.

Белый потолок. Но стены уже зеленоватые, и вот они – растения, и вот она – умильная собачья морда, размером с хорошую сумку, и пасть здоровущая... Улыбается!

Девушка протянула руку и почесала Гнома за ухом.

Морда подsunулась ближе и повелительно боднула. А чего? Второе ухо необчесано, под челюстью – непорядок! Работай!

Салея и почесала бы, но толчок вышел увесистым, она едва с кровати не упала, охнула, на секунду почти вцепилась в собачье ухо, что Гном выдержал с завидным спокойствием...

Удалось?

Ей удалось сбежать от ша-эмо? Правда же?

Да, удалось... Портал сработал. Сработал на ее кровь, по ее приказу... осталось только выяснить, где она очутилась. Но... что бы это за место ни было, здесь ей уже нравится.

Потому что животные.

Растения.

И теплая улыбка на губах женщины, которая стоит в дверях.

Салея, будучи эмпатом, отлично чувствовала чужие эмоции. Вот от этой... Милы... Людмилы Владимировны Бочкиной – имя легко всплыло в памяти... от нее не веяло опасностью.

Наоборот.

Было тепло, спокойно, уютно, чувствовалось, что Салею она жалеет...

– Проснулась, детка?

Салея не поняла. Но зов природы ощутила.

– А... – Как бы еще объяснить, что ей нужно.

– Пойдем, напомним, где туалет. – Не надо быть гением, чтобы подумать о такой вещи. Ясно же, куда захочет любой человек с утра.

Туалет, душ...

Салея помнила все это со вчерашнего вечера. Только вот вчера у нее не было времени и сил для осознания. А сегодня...

На ее лбу четко выделялись коричневые бляшки.

Дубовая корона начала расти. Еще вчера этого не было.

Еще вчера утром она просто выделялась под кожей, но не росла. Не...

Сегодня утром она активна.

И, подтверждая мысли девушки, под пальцами, в деревянных бляшках, отозвался слабый пульс.

Корона набирает силу.

Салея скорчилась в углу душевой, закрыла лицо руками, прикусила губу. Она научилась плакать беззвучно. Тело содрогалось от спазмов, но все было тихо. Ни звука.

Ни стона.

Ничего...

Даже если скручивает безжалостными судорогами – молчи! Молчи, не дай понять, насколько тебе плохо.

Салея знала, что будет дальше.

Она умрет. Но сначала...

Пугала ее даже не смерть. Пугало ее другое.

Ее планета.

Ее народ.

Ее наследство.

И – уже потом сама смерть. То есть ее вид. Салея знала, что Дубовая корона сделает с ее телом и разумом. Знала и не хотела этого. Боялась.

До крика, до стона...

А время пошло.

Время идет, и она словно воочию видит песочные часы.

Время безжалостно, время...

Девушка до крови прокусила щеку изнутри. И кое-как, с трудом обрела над собой контроль. Помогли и солоноватый привкус во рту, и безжалостная дрессировка – не выжила бы она иначе в последние годы. Так что...

Здесь и сейчас она спокойна. Она попытается узнать, где оказалась. А дальше уже будет видно, что делать.

Зла эти люди ей точно не желают. Это ясно.

И, выходя к бабушке Миле, Салея почти уже могла улыбаться. Потом девушку чуть ли не за руку привели на кухню и поставили перед ней чашку с водой.

Бабушка Мила подумала, сделала глоток, потом подвинула чашку даэрте. Та тоже сделала глоток.

Эта вода не пахла химией.

Она пахла... землей.

И – лесом?

Тут есть – ЛЕС?!

Салея не знала, как спросить. Но потом взгляд ее наткнулся на картинку. Небольшую такую, приклеенную к белой стенке ящика непонятого назначения.

И там был нарисован лес.

Даже ЛЕС! Настоящий, невероятный... Салея протянула руку, с надеждой посмотрела на хозяйку дома:

– Дараэ?

Будешь тут дергаться – на тебя ротвейлерская морда устроит атаку. Хорошо еще девочка попалась нормальная, понимает, что Гном не опасен. Разве что зализать может до изумления.

Так девочка вела себя вполне нормально, вспомнив вчерашний день, воспользовалась и туалетом, и душем, уселась за стол в кухне, водички попила... а потом увидела на холодильнике магнит.

«Барск – 150 лет».

Не так давно эти магниты по всему городу продавали, чуть ли не бесплатно раздавали. Она тогда взяла парочку разных.

На этом была изображена тайга. И река. Красиво, вид со спутника.

Вот на этот магнит и показывала девушка.

– Дараэ?

Черт его знает, что такое дараэ. Но Людмила Владимировна и не с таким справлялась. Сняла магнит и протянула девушке:

– Дараэ?

Девушка показала на лес:

– Дараэ!

– Лес. Тайга.

– Ли-ес. Тай-га...

– Дараэ, – согласилась Людмила Владимировна. Потом взяла с холодильника листок бумаги и ручку. Поставила точку. – Мы, – обвела рукой дом. Девушка кивнула. Бабушка Мила обвела большой круг. – Город. Люди.

Салея не слишком поняла, но смотрела дальше.

Всю оставшуюся часть листа Людмила заштриховала щедрым жестом.

– Дараэ.

А как еще объяснить, что вокруг города, считай, тайга и начинается? Ну... ладно, настоящая – в часе езды от города. Все же рядом с Барском тут то дачи, то еще что... а так – нормальная тайга.

Но кажется, девушка поняла.

Кивнула.

И развела руками, показывая на уши и язык.

Мол, не понимаем мы с вами друг друга... Хотим, а никак!

Людмила Владимировна улыбнулась.

Ладно, с тех пор как изобрели интернет, эта проблема вполне решаема. Столько всего есть! Мультимики обучающие, развивающие, познавательные, ролики такие, сякие и разэтакые...

Покушаем – и будем разбираться!

Главное-то уже выяснили. Что вреда они друг другу причинять не хотят и пытаются найти общий язык. А остальное – мелочи жизни.

Все устроится.

Дайте только время, и все будет!

Салея готова была молиться на хозяйку дома.

Лес!

Настоящий Лес!

Живой, искренний, Лес, который не уничтожают на корню, Лес, основа жизни для каждого даэрте, их Бог, их Дараэ...

Он есть!

И как поняла девушка, даже недалеко отсюда. Именно поэтому вода пахнет Лесом?

Пища была простой, какая-то крупа с мясом, но вкусной и сытной. А потом на стол поставили кедровые орехи, варенье из шишек, варенье из малины...

Салея съела ложечку, вторую...

Да.

Это Он.

Лес, который есть в этом мире! Портал сработал правильно! Она не зря оказалась именно здесь, но как же быть дальше? Она в этом мире как новорожденный ребенок, и ей повезло, что нашлись добрые люди.

Может, они тоже как даэрте?

Не как те?

Ша-эмо...

Салея помнила, как они себя называют. Она хорошо изучила их за эти годы. Слишком хорошо.

И ненавидеть научилась.

И убивать...

Инициация у нее случилась, так что... время пошло. Но сейчас Салея об этом не думала. После еды ба-буш-ка Ми-ла за руку отвела ее в комнату, посадила перед плоским черным экраном и уверенно принялась двигать по столу какой-то черной коробочкой.

Экран загорелся. На нем появились значки, буквы, явно изображения...

Ее учат местному языку?

Отлично!

Сама Салея хотела именно этого! И почти приникла к мо-ни-то-ру, распознавая знакомые картинки – деревья, животных, овощи, фрукты...

Этот мир живой, нет никаких сомнений! И это так замечательно, так чудесно....

Оторвалась она от монитора, только когда в замке загремел ключ и живность ломанулась в прихожую – встречать хозяйку.

Таня влетела ураганом.

– Бусь, как дела?

Бабушка ответила ей теплой улыбкой:

– Все в порядке, Танюша. Сидит твоя найденка, язык учит.

– Это хорошо. А я тут в секунд забежала по дороге. Там как раз половинная скидка, вещи еще приличные, а цены человеческие. Вроде должно ей подойти? Ну так, хотя бы дома ходить?

– Давай постираю, а там и предложим, – бабушка Мила сноровисто извлекла из пакета пару платьев, трусы – новые, с этикеткой, ночнушку и халат. Уже на размер Салеи.

Уж на что Таня была не крупной, метр семьдесят и пятьдесят пять килограмм живого веса, бабушка Мила не расплнела к старости, а найденка...

Полтора метра, наверное. Не больше.

Ножка, как у китайки, и пропорции... в ночнушке и халате она просто тонула. Таня потому так дешево эти вещи и взяла, что крой взрослый, а размер детский.

Ладно, это чуть позднее, сначала их и правда постирать надо.

– Давай. А я к ней загляну, узнаю, как она. Поедим, да и побегу, – кивнула Таня. И прошла в гостиную, на ходу подхватывая Муську и водружая себе на плечи. Такой мейн-куновый воротник. Люська – с той проще, она на руках помещается, а вот Муська... это да!

Это – Муська!

Метр без хвоста. А с хвостом все полтора. И плевать ей, что это для самцов, самки мельче. Ей вообще чихать на стандарты породы, она просто любимая кошара – и этим гордится.

Салея подняла взгляд от монитора.

– Та-ния...

– Лея, – улыбнулась девушка. – Как дела?

Слова Салея пока не поняла, но вопросительную интонацию уловила.

И сложила руки.

– Дараэ...

– Дараэ? – не поняла Таня.

– Лес, – разъяснила бабушка. – Танюш, завтра суббота, у тебя две пары?

– Да.

– Съездите в лес? На автобусе тут не так далеко... пусть девочка погуляет? Ей явно нужно...

– В таком виде?

– Спортивный костюм твой дадим, старый. У меня лежит...

– Я же из него выросла! Бусь!

– Ну... выкидывать жалко было, – развела руками бабушка. Охнула от боли в суставе...

– Хомяк ты мой запасливый, – грустно пошутила Таня.

Бабушка ужасно не любила, когда на ее недуги обращали внимание.

– Съездишь?

– Да.

– Лея, – бабушка повернулась к девушке. – Дараэ завтра.

– Дараэ... зав-тра?

До таких сложных понятий Салея не доросла, но бабушка быстро разъяснила. День, вот этот, ночь и день. И поедете в лес.

Салея захлопала в ладоши.

Бабушка Мила улыбнулась, глядя на девушку. Забавная она. И теплая...

Зверье хорошего человека чувствует, его так легко не обманешь. Это не люди... увы. Конечно, кошки и собаки не провидцы, и с плохими людьми живут, и гибнут от рук всяких сволочей, но в том-то и дело, что у них все трое – подобранны. Не в тепличных условиях выросли, и как могут быть опасны люди, знают не понаслышке. Они не ко всякому пойдут.

Вот к врачу-терапевту с говорящей фамилией Сукина – близко не подходят. Шипят, фырчат... и терапевт действительно дрянь. И как человек, и как доктор.

А к Салею липнут. Явно же не просто так.

Звонок в дверь разрушил идиллию.

Таня встревоженно поглядела на бабушку.

– Пойду открою.

– Танюш...

– Бусь, сиди, а?

Девушка расправила плечи и решительно направилась к входной двери. Поглядела в глазок.

Ну, здравствуйте вам! Петяша-наша!
Дверь Таня распахнула решительно.
– Чего надо, дядь Петь?

Местный алкоголик замялся на пороге. Понял, что халявы не выйдет, это Людмила могла пожалеть и налить пятьдесят грамм. Таня алкашей не любила в принципе. Не уважала и от своего дома гоняла поганой метлой. Насмотрелась в наркологии.

И что они с собой делают, и что с окружающими происходит.

Всего в доме восемь квартир.

Три двушки и трешка на первом этаже, такой же набор на втором.

На первом в трешке Таня с бабушкой, рядом в двушке – тетя Фиса. Милейшей души человек, дочь у нее вышла замуж и ушла к мужу, а тетя Фиса посвящает время сериалам и новостям. С внуками пока молодые не торопятся, вот и скучает дама.

По выставкам ходит, по театрам... а что? Ей и лет-то всего пятьдесят, сама еще замуж выйти может.

Следующая двушка – как раз Петяша и его жена Юлия Ивановна. Тут как раз целый роман с матюгами.

Оно понятно, что замуж надо выходить по любви.

Непонятно другое. В чем виноваты окружающие, что ты их под эту любовь кидаешь, как под колеса трактора? Вышла Юля по большой любви замуж за Петю – дело житейское. Двое детей родились, работа, время идет...

Но если Петя потом запил? Запоями?

И началось... у кого в семье есть запойный алкаш, те поймут.

То период свинского безумия, то период сомнительной трезвости, наркология, вырезатель, попытки лечиться – везде. От супертаблеточек до народных целителей... и хоть бы тут что помогло!

В итоге у детей не было детства.

То они от пьяного папочки по соседям прятались, то он из дома все тащил, то в дверь ломился, то его дружки буянили... шикарный набор? А то ж!

В результате дети выросли и уже в шестнадцать-семнадцать лет так рванули из дома, что их на самолете не догонишь. В институты в других городах поступали, там и жизнь свою устраивали... домой вернуться? Ага, дожидайся триста лет! Юлия Ивановна приходила, плакалась.

Она уж их просила вернуться, или пожить с матерью, или ее к себе забрать, ну хоть что-то... она ж одна остается с Петяшей! Разве ж это по-человечески? Неблагодарные дети ответили четко:

Вместо того чтобы заниматься нами, ты возилась с этим алкашом. Тридцать лет возилась. Благословляем продолжать в том же духе.

Таня их осуждать не могла. Не по-человечески? А детей ТАК растить – хорошо? Чтобы они домой шли, как на каторгу, и не знали, что их сегодня ждет? Юлия Ивановна свой выбор сделала, о них не подумала. Теперь выбор сделали уже ее дети. Матери он не нравится? Ее трудности.

А возраст уже серьезный.

Тут тянет, здесь болит, там колет... и Петяша буянит. Правда, к соседям лезть опасается. Гном свою позицию высказывал четко. Один «гав» – и всем всё понятно.

Кому непонятно?

Ротвейлер – собака крупная. И достанет... везде достанет, особенно если на задние лапы встанет.

Прошлый раз Петяше объяснили очень доходчиво.

Встал Гномик на задние лапки, положил ему на плечи передние и сказал второй «гав» прямо в лицо. Алкаша звуковой волной и вынесло. На реактивном визге...

– Танюш, на поправку бы мне...

– Дядь Петь, лопату дать?

– Зачем, Танечка?

– Вскопываешь во дворе участок – получаешь на водку. Вопросы есть?

Вопросов не было. Участочек во дворе действительно был, бабушка Мила там цветы сажала. И вскопать его бы стоило. Соседи обещали, но у всех же дела, работа... хочешь на водку? Копай! Петяша не сомневался – не обманет. Нальет.

Но хочется-то за так, то есть даром! А не получится. Увы. Тогда хоть гадость сказать.

– Злая ты, Таня. И не женится на тебе никто.

– Сэкономлю. На водке. Ты меня слышал, дядь Петь.

– Гав, – подтвердил Гном.

Алкоголик вздохнул и распрощался. Отправился к четвертой двери на площадке. Там семья: Инна, Валерий и двое их детей – Мишка и Наташка. Мишка, старший, недавно женился, и они ему купили квартиру в этом же доме, только над своей. Дети пойдут... получается, и вместе, и врозь, и продавалось дешево.

Так и сложилось. Там, если Валерий дома, ему и налить могут. Инна погонит, а Валерий – тот сам попивает временами, понятие имеет.

– Танечка, кто там?

– Петяша, на водку клянчил, – отозвалась Таня, захлопывая дверь.

И почти ощутила бабушкин вздох.

Не то...

Слава богу.

Салея смотрела, как напряжена женщина. Ми-ла... она ждет чего-то плохого?

Как почти судорогой сводит ее плечи, как потом она расслабляется... но все равно ей не слишком хорошо.

Вернувшись в комнату Таня оценила все мгновенно.

– Бусь, давай я тебя сейчас кольну да побегу по подработкам?

Людмила Владимировна кивнула:

– Да, давай, детка...

Таня достала шприц, набрала лекарство, повернулась к бабушке.

Ее руку перехватили тонкие смуглые пальцы.

– Ша алае...

Если бы она хоть половину слов понимала! Но Салея была явно чем-то встревожена. Таня покачала головой.

– Лекарство...

Как же объяснишь... пришлось быстренько изобразить.

Показать на бабушку, показать жестами, что ей плохо, потом укол – и лучше. Может, в актрисы идти надо было? С такими талантами?

Салея снова покачала головой.

Мол – не надо. Потом жестами попросила подождать и сорвала побег бабушкиной любви – сциндапсуса¹⁴.

Бабушка только брови подняла, когда Салея обвязала ей запястье вьюнком. А потом положила руку сверху.

---

¹⁴ Он же эпипремнум, обычный комнатный вьюнок.

– Мать-мать-мать... – не удержалась Таня.

От пальцев девушки по лиане побежали крохотные зеленые искорки. Впитались в кожу.

И... Людмила просто ожила на глазах.

Порозовели щеки, посветлели прожилки в глазах...

– И голова не болит...

С запястья на пол осыпался зеленоватый мелкий пепел.

– Пессец! – выразилась Таня.

Салея развела руками. Мол, вот так. Простите, уважаемые, но... я могу.

Первой пришла в себя бабушка Мила.

– Лея, детка, спасибо...

Вот интонацию девушка поняла, прижала руку к сердцу и поклонилась. Мол, ничего особенного, не за что.

Бабушка ответила ей улыбкой.

– Танечка, детка, ты кушай и беги. А то время... вечером поговорим.

И сделала благодарный жест в сторону Леи.

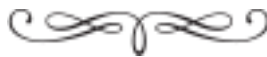
Таня подумала, потом поклонилась Салею и пошла на кухню. А что?

Может, она и инопланетянка, но кушать тоже небось хочет? А на продукты надо зарабатывать. Так что вперед, Танечка...

Эх, если это и фэнтези, то какое-то нелогичное! Где сундуки с золотом? Побрякушки с брюликами? Золотые рыбки в аквариумах? Ну хоть бы джинна какого завалющего приволокли!

Нет?

И не будет. Так что – есть и работать!

Салея выдохнула.

Ее не испугались. Ее способности приняли как должное. Или как что-то такое... необычное, но не страшное.

Просто – бывает.

ТЕ... ша-эмо... вот у них совсем по-другому. Они хотели все забрать, поставить себе на службу... как объяснить людям, что так – не делают?

И как это можно объяснить нелюдям?

Никак.

А вот Ми-ла осматривает цветок, смотрит с тревогой на Салею... девушка покачала головой, постаралась успокоить.

Нет-нет, ничего страшного с растением не будет. Она взяла только одну веточку, лишь часть жизненной силы... все будет хорошо.

Правда-правда.

И лишней раз уверилась, что попала в хорошее место и к хорошим людям.

Если человек тревожится и за растения, и за животных... искренне тревожится, значит, это хороший человек.

Опыта у Салеи было не так много, но в данном случае ей действительно повезло.

– Танечка, все у вас в порядке?

– Михаил Семенович, – улыбнулась Таня.

Сосед из двушки наверху. Пенсионер в отставке, военный... вот и так бывает. Жил-поживал, с женой детей не нажил, а изменять тоже не изменял. Жена умерла, а он остался в одиночестве. И частенько заходил попить с бабушкой чайку, поболтать о том о сем... Таня иногда думала, что им бы лет по двадцать с плеч – и хорошая бы пара получилась! Разве нет?

Да и сейчас бы... Таня может и замуж выйти, и вообще... ей все равно, за одним пожилым человеком приглядывать ли, за двумя. А за бабушку она всяко будет спокойнее, если та будет не одна. Но обстоятельства...

– Опять работать, Танечка?

– Конечно, – улыбнулась девушка. – Да, все в порядке....

– Мне показалось, что вы вчера с кем-то пришли...

– Да, – согласилась Таня. – Однокурсница себя плохо почувствовала, пришлось к себе позвать. Отлежится да и уедет.

– А, вот оно как... случается.

Таня кивнула.

Случается. Разве нет? Хотя иногда соседское любопытство вообще некстати.

Командор стоял посреди святилища и брезгливо морщился.

Вот ведь...

Дикари. Как есть – дикари.

Эти стены из деревьев, эти деревянные стулья, тоже выращенные из деревьев и лиан, травяные коврики... ну как, как можно всем этим заниматься?

Природа должна служить человеку! Обязана! А все эти выплясывания...

Воля Леса, веления деревьев...

Перводреву!

Да чушь все это!

Хотя дерево посреди святилища действительно здоровущее, обхватов десять. А то и побольше будет. Надо при случае спилить, из него шикарные столешницы получатся... на сувениры. Сколько времени оно росло?

Сколько труда нужно, чтобы его вырастить? Вот это Командора вообще не интересовало. Подумаешь, дерево!

Есть определенный баланс экосистемы, который можно поддерживать.

А можно – и не поддерживать. В конце концов, водоросли на кораблях справляются с этой задачей ничуть не хуже. И кислород дают, и отходы пожирают, и места много не занимают...

И биосинтезированные овощи и фрукты ничуть не хуже настоящих. Совершенно тот же набор витаминов и аминокислот, даже улучшенный и обогащенный. Хочешь вкусовые качества?

Заказывай любые!

Хоть черешню со вкусом арбуза, хоть огурец со вкусом яблока! И все у тебя будет на тарелке! Мгновенно!

Без всяких мучений, трудов, садовников, или кто там в селении занимается всей этой глупостью... Не надо трудиться, не надо тратить бесценное время, которое можно использовать с большей продуктивностью.

И ладно бы даэрте были тупыми!

Нет!

Они умные, они серьезные противники, об этом говорит тот факт, что их планета до сих пор покрыта лесом, а они ведут более-менее привычный образ жизни, а не стали еще одним

анклавом ша-эмо. Но такие... заикленные на своих глупостях! До невероятности! И не сдвинешь их ничем!

Воля леса – и все тут!

Дурят их эти жрецы! Просто дурят...

Ладно.

Можно оставить немного растений в оранжереях. Но зачем всю планету засеивать этой гадостью? Тут же можно построить мегаполисы!

Сотни и тысячи мегаполисов!

Можно сделать планету-город!

Тут есть ценные металлы, полезные ископаемые, но... добыть их не получается. Техника просто перестает работать.

Применить тактику выжженной земли?

Да, было и такое. Но через несколько дней все ша-эмо, которые выжигали лес с орбиты, просто умерли.

Как? Почему?

Доктор не нашел видимых причин.

Сердце остановилось. Все.

У здоровых молодых солдат! Которые проходили всевозможные проверки два-три раза в год!

Вы в это верите?

Вот Командор не верил, а значит, что?

Диверсия.

Но как ее осуществили? Как нашли виновных?

Как?!

Кто смог пробраться на корабль класса А? Это просто невозможно, потому что такого не может быть никогда.

Выжечь всю планету напалмом?

О, да. Это можно. А что потом делать с голым шаром? Какой в нем толк? И еще... технологии!

Технологии, благодаря которым даэрте жили до двухсот и более лет, оставаясь при этом молодыми и красивыми, как в двадцать; технологии, благодаря которым они легко переходили с одного конца планеты на другой, казалось, вовсе не тратя никаких сил; технологии, благодаря которым погибали корабли, люди, оборудование ша-эмо...

Получить все это хотелось.

Но – близок локоток. Хотя... не так!

Это Рей восемь лет сопли жевал. А Командор все решит достаточно быстро.

Лакс Рей думал, что, захватив королевскую семью, ну и частично истребив даэрте, он получит более широкий доступ к технологиям Дараэ! Куда там!

Девчонка – принцесса – упорно молчала. Молчала все это время, молчала под пытками, на опытах, под наркотиками, которые ей вводили в товарных дозах... да проколотого и прокапанного ей хватило бы, чтобы получить целый корабль наркоманов! А она?

Словно и не чувствует!

И это тоже технология, благодаря которой в ее крови разлагаются вещества.

Нанороботы?

Микрочастицы?

Командор мог предположить многое, а вот получить нечто конкретное просто не удалось. Никак. Читал он результаты обследований. Даже научника вызвал для разъяснений и перевода с заумно-головоломного на человеческий.

Даже кровь, взятая у девчонки из вены, примерно через двадцать секунд становилась... хаосом.

Плазма, а в ней осколки и обломки клеток.

Как выразился один из ученых – с таким не живут.

Но ведь жила же!

Дикари! Одно слово – дикари!

Но в счете они вели пятьдесят на пятьдесят, так-то.

И ша-эмо, хотя и победили, и загнали их в резервации, спокойно себя не чувствовали.

Планета была похожа на ошестинившегося ежа, который готов ударить, укусить... ежи так не поступают? А это неправильный еж. И планета неправильная. И вообще...

Почему они сами не понимают, что так выгоднее? Почему цепляются за свои глупости?

А вот и жрец, один из старших. Нелепый в своем травяном балахоне, выглядит так... мальчишка мальчишкой. А ведь ему за пятьдесят лет! Командор это знал! Местных лет, а тут каждый год раза в полтора длиннее стандартного!

Кстати – еще одна причина, по которой до сих пор не уничтожили даэрте!

Молодость, красота... это же явно не просто так! Это – технологии!

Но какие?

Загадка...

Стоит себе старший жрец и ничем от всех остальных не отличается. Только разве что цветок на плече цветет. Белый. Прямо на травяной хламиде... Командору жутко хотелось оторвать его, скомкать в руке и бросить на землю.

Волосы коричневые, глаза зеленые, смотрит серьезно.

– Что нужно главе ша-эмо в нашем святилище?

– Информация.

– Ты не похож на взыскующего знания.

Командор едва не сплюнул.

– Святоша, вчера ваша королева, или принцесса... смотри, что она вчера сделала. Потом ответишь мне на вопросы.

Смонтированная запись получилась четкой и ясной. Хоть ты в кино запускай. И убийство, и переход... жрец молча смотрел на Командора.

– Вы хотели ее убить?

Командор и не подумал смущаться.

– Пригрозил.

– Нет. Хотели.

Ну... ладно. Хотел.

– Это имеет значение?

– Да.

– Хотел, – сознался Командор. И даже не постеснялся. А что они ему сделают? Он – победитель! Захочет – всех тут под нож пустит!

– Она почувала и ушла.

– Куда ушла?

Жрец потер кончик носа.

– Если королеве угрожает опасность, она может... применить родовую силу.

Насчет угрозы было сложно спорить. Но что там за родовая сила такая?

Жрец качнул головой:

– Я не смогу объяснить. Это тайна королевской семьи и рода...

– А если я вас прикажу залить напалмом?

– Мы умрем.

Командор вздохнул.

Вот так с ними всегда, судя по материалам Координатора. Можно уничтожать их, залить напалмом, убивать сотнями на глазах у остальных. Можно. Но дальше-то как? Если все это пробовали и ничего не действует?

Надо договариваться.

– Вы хотите найти свою королеву?

– Хотим.

– Я могу предоставить вам такую возможность...

Жрец покачал головой:

– Нет. Ты принес зло на нашу землю. Ты человек с мертвой душой. Ты принес вести о королеве – и уйдешь живым. Но знаний ты не получишь. Можешь уничтожить нас, но мое слово останется последним.

И столько твердости было в этих прозрачных глазах... два изумруда.

– Я могу вас стереть с лица земли.

– Можешь.

– Тебя лично. Убью прямо сейчас.

– Убивай, ша-эмо.

И это не позерство, не игра. Жрец действительно не боялся. Стоял под деревьями, напротив Командора, смотрел прозрачными глазюками и НЕ БОЯЛСЯ!

Вообще.

Словно бессмертный.

Дарсу искренне захотелось это проверить. Едва сдержался. Пока не время.

Пока...

– Мы еще поговорим, жрец.

– Если на то будет воля Дараэ.

Дарс плюнул да и вышел вон.

Когда он улетел, жрец подошел к Перводреву, коснулся его ладонью... имеющий уши – да услышит!

Их разговор с Командором слышал весь Лес. Все даэрте.

И все осознавали, что это означает.

Начиналась новая эра.

Только вот что она принесет?

Даэрте этого не знали и могли только молиться. Пусть королева справится. Где бы она ни была – пусть у нее все получится!

Когда Командор улетел, Элран вошел в святилище.

Старейшина так и стоял, задумчиво гладил ветвь Перводрева, касался ее кончиками пальцев, ласкал, словно разговаривал. И дерево отвечало ему.

Не так, как королеве, нет, но и Мирилу было приятно. Легкие древесные пальцы-ветви перебирали его волосы, касались лица... хорошо.

– Отец?

– Да, сынок?

– Я слышал... королева сбежала?

Мирил задумчиво поглядел на сына.

С одной стороны... и сказать бы ему про самонадеянных сопляков, и поругаться, и много еще чего сверху добавить.

С другой...

– Подозреваю, что-то вы умудрились сделать. Полезное.

Элран не расцвел первоцветом. Только сильнее нахмурился.

– Как бы это узнать точнее?

– Никак, – отрезал Мирил. И порадовался, что сын поумнел.

Раньше бы Ран расправил плечи и заявил: да вот! Да я! Да мной гордиться надо! Даже два раза!

Нет. Элран отлично понял, к чему привела его шалость. Потеря Шавеля, который мог стать – да и был! – гением в своем поколении, потеря друга, чудом не обрушившийся на планету гнев ша-эмо, и кто еще знает, что там стало с королевой?

То-то и оно...

Но и добивать мальчишку не стоит.

– Не знаю, Ран, что именно вы сделали. Но это неплохо. Ее величество сбежала от врагов, а вот где она сейчас находится... это как раз не важно. Ты видишь Перводрево?

Элран видел. И поскольку дураком не был, тут же сообразил.

– Оно спокойно. И даже новые ветви отращивает, и довольно!

– Правильно. Где бы ни была королева, ей там не делают плохо. Ей хорошо, о ней явно заботятся.

Элран кивнул.

Даэрте – дети Перводрева. И королева связана с ним сильнее прочих. Плохо Салее – плохо Дереву. Последние годы ему было очень плохо.

Оно теряло листву, желтело, хирело. А сегодня – посмотреть приятно! Стоит уютное, зеленое...

– А она вернется к нам?

– И в этом я уверен. Перводрево всегда позовет ее. И королева найдет дорогу домой. Дубовая корона покажет путь.

Элран задумчиво кивнул:

– Да, отец. Я понимаю.

– Поэтому ваша выходка не была напрасной. Но, может быть, если бы вы посоветовались, поговорили, просчитали все тщательнее, ее ценой не стала бы смерть Шавеля.

Элран еще раз кивнул. И все же не удержался. Отбросил с лица темные волосы, сверкнул глазами. Мальчишка. Какой же он еще мальчишка!

– Лучше Шавеля никто бы не просчитал. Ничего. Он был гением!

– Был. А мог – быть и дальше.

– Я уверен, Шавель учел все возможное. А если он чего-то не рассчитал, то и другим это было бы не под силу.

Старейшина пожал плечами:

– Может, и так. А может, и нет. Если бы вас страховало Перводрево? Как ты думаешь?

– Вы бы не пошли на это, – отрубил сын. Решительно, как ветку переломил.

Мирил кивнул.

Да, не пошли бы. Потому что Дерево и так теряло силы. Связка: даэрте – Перводрево – королева вполне рабочая, но если одному из звеньев плохо?

Плохо и остальным. И рисковать вторым звеном в такой ситуации? Он бы не решился.

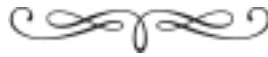
– Не пошли. Но помочь могли бы. Ладно, Ран, что сделано – то сделано. Что-то получилось, и это хорошо.

– А что мы теперь будем делать?

– Ждать, сынок. Разумеется, ждать.

– Чего?

– Королеву. Очень скоро она вернется.

Командор посмотрел на подчиненного.

– Вук, жучки установлены?

– Да, шеф.

– Они должны будут говорить между собой, и о девчонке в том числе. Если упустим... лучше самим в утилизатор.

Подчиненный был с этим полностью согласен.

Да, лучше тогда самим. Потому что Даэрте, как они называли планету по имени живущего на ней народа, была на контроле у Самого! А он добротой и любовью не отличался.

Так что следим, перехватываем, возвращаем девчонку и ищем секреты телепортации...

Им нужен контроль над планетой. И плевать, что об этом думают разные дикари!

Глава 4

Суббота прошла спокойно, к большому счастью Тани. Нет, она не обольщалась, ни Попов, ни Извольская не успокоятся.

Но – суббота.

День практики.

Одна группа, тридцать шесть человек, разбивается на три подгруппы по двенадцать человек, и все отправляются на практику по больницам. По отделениям.

Помогать.

Где именно? А где скажут! Будешь выносить судна, мыть полы, таскать штативы с капельницами, заполнять документацию в обычном или электронном виде, сидеть на посту для мелких поручений...

Список велик. И студенты сами выбирают, чем хотят заниматься. Вот Таня сразу попросилась в процедурную. Получила кивок медсестры и отправилась работать.

Делать внутримышечные, внутривенные... а как еще руку набивать? Да, это не слишком хорошо по отношению к больным, но рука у Тани легкая, а тут еще и под присмотром врача или медсестры. А потом она уколами подработает, на дому.

В поликлинике обычно не допросишься, то у них персонала не хватает, то желания нет, вот и складывается круг клиентуры. Тут ее посоветовали, там телефон шепнули, прибежит девочка, все сделает, быстро и аккуратно... и недорого.

Так и получалось. И набегало кое-какое подспорье к бабушкиной пенсии. Но Барск большой, а дальше начинается самое интересное. Если на такси ездить, считай, только зря прокатаешься. Сколько заработаешь, столько и потратишь. На автобусах – да, единый проездной есть. Так обходится намного дешевле, но ты их еще дождись! Приложение-то скачать можно, но количество автобусов на маршруте от этого не изменится. Увы.

Поэтому начинаем крутить по времени – городу – траекториям... и все равно домой возвращаешься уже к ночи, усталая и измотанная.

Не всегда ж внутримышечные или внутривенные! Таня и капельницы ставит. А это – время.

Это не минута, нужно до часа сидеть рядом с человеком, а то и побольше... это хорошо оплачивается, но время, время... она тратит его с пользой и сидит, учит конспекты, к чему пациенты относятся с пониманием. Но домой-то от этого быстрее не попадешь!

А еще уколы делаются обычно вечером.

Ладно, вот сейчас она удерет с практики и поедет с Салеей в лес. Пусть уж...

Сейчас отпросится, потом отработает. Или вообще потихоньку договорится, чтобы ее отметили, – и без отработки. В следующий раз подольше на практике побудет.

И Таня решительно направилась к врачу. Отпрашиваться.

В простом льняном платишке и короткой Таниной куртке Салея была похожа на человека. А зеленые волосы?

И что?

И не такое бывает!

Таня специально прикупила в киоске кучу цветных резиночек и перетянула зеленые локоны в нескольких местах. Типа это прическа, так задумано...

Хиппи?

А чего только не встречается в наше-то время. И малиновые волосы, и лиловые, и дреды, и прочее... Салея в этом плане не сильно выбивалась из общего ряда.

Когда еще и побеситься, как не в молодости? Не в девяносто же лет? Волосы покрасить, временных татуировок хной наделать, уши восемь раз проколоть, какие-нибудь экзотические шмотки поносить?

Держалась она тоже молодцом, рядом с Таней шла спокойно, правда, ее руку сжимала крепко-крепко, боясь потеряться. На всякий случай Таня перед выходом сунула ей в карман записку. И показала – мол, сюда. Адрес. Дом.

Назовешься иностранкой, попросишь довести... вот записка, вот деньги...

Ах, как же тяжело было бы понять друг друга без роликов из интернета. А так Салея уже и самые простые слова могла произносить по-русски.

Да, нет, вода, еда, кот, собака, все названия мебели, пищи, цветов и деревьев... Таня только завистливо вздыхала.

Вот память!

В меде зубрежки как песка на пляже. А у Леи, похоже, эйдетическая память, она один раз увидит – и запоминает накрепко.

Завидно, знаете ли...

Просто – завидно!

В автобус Салея тоже села без возражений. И смотрела большими глазами на технику, на деревья, на людей... Девушки выпрыгнули на конечной остановке.

– Лес, – выдохнула Салея.

Теперь уже она тянула Таню вперед, словно рвалась к чему-то, а Таня послушно шла за ней. И не сразу уловила это изменение...

Вот вроде бы окружал их пригородный лесок, который, будем честны, и вытоптан, и изрядно дачниками-туристами-отдыхающими загажен, и прорежен, и...

И буквально на глазах все меняется.

Взметнулись высоченные дубы, кедры, остро запахло разогретой хвоей, зацокала наверху белка...

Шаг, еще один... и поляна.

Вот почему-то на поляну Таня выйти не решилась. Ей показалось, что нельзя... неуместно как-то. Неправильно.

Поляна была... странной.

Ровная, круглая, словно колесо, заросшая мягкой даже на вид, шелковистой травой с какими-то незнакомыми Тане белыми цветочками... откуда такие? Соцветие как у одуванчика, но вместо тычинок цветочки... красиво, конечно. Но как сделать шаг – и нарушить это совершенство?

Нет, нельзя...

А вот Салея сомнений не испытывала. Куртка, стесняющая движения, упала на траву, печально взмахнули шнурками старые кроссовки, девушка сделала шаг вперед... и Таня поежилась.

Под босыми ногами Салеи не гнулись тонкие травяные стебельки. Вообще не гнулись... она словно скользила по верхушкам цветов... люди так не умеют.

Она – не человек. Почему-то здесь это осознавалось без лишних эмоций. Ну, не человек. Но не крокодил же?

А кто тогда?

Впрочем, ответа долго ждать не пришлось.

Салея ликующим жестом вскинула вверх руки – и с неба хлынул поток расплавленного солнечного света. Залил девушку, полянку, кедры вокруг... Это было так красиво: могучие древесные исполины, зелень травы и хвои, белые цветы женьшеня (как осознала Таня) – и девушка посреди поляны.

Сейчас простенькое льняное платье Салеи казалось церемониальным одеянием.

Жаль, длилось это недолго.

– Лея, – едва вымолвила Таня дрожащими губами.

Из-за деревьев медленно выходил гигантский бурый медведь.

Гризли?

Черные медведи? Полярные? Пещерные?

Этот гигант заткнул бы за пояс всех оптом, еще бы и уселся сверху. Даже так, на четвереньках, он достигал двух метров. И... от такого не убежишь. Остается только принять свою судьбу?

Или... это не просто медведь?

Маленькие медвежьи глазки были подозрительно... разумными? Не человеческими, нет, они оставались медвежьими, золотисто-карими, но в них светился разум.

Зверь дошел до Салеи – и улегся перед ней мохнатым ковриком. Девушка потрепала его за ухом.

Животное открыло пасть.

Блеснули клыки, от вида которых в ужасе скончался бы саблезубый тигр. И Салея медленно наколола ладонь об один из клыков, проговаривая что-то на своем певучем языке.

Здесь и сейчас он звучал как должное.

Лес понимал ее...

Салея и сама не ждала, что это будет ТАК!

Легко?

Нет, легко не было. Но Лес, измученный и усталый, принимал ее. И позволил призвать Хранителя.

Здесь не было даэрте. Очень давно не было никого, слышащего и слушающего Лес.

А потом пришла она.

И пришел Хранитель.

И Салея постигала Лес этого мира.

Здесь...

Здесь было не так, как у них. Но было и не так, как у ша-эмо... Здесь даже начинали что-то понимать. Говорили о зеленых легких планеты, о том, что надо беречь природу, да, больше говорили, чем делали, но рано или поздно количество же должно будет перейти в качество. Разве нет?

Сначала что-то модно, потом привычно, а затем люди и не осознают себя без конкретно этого предмета или явления. Так же и с защитой природы.

Просто сейчас природе нужна помощь.

И даэрте ей не помешали бы...

Салея постигала Лес.

А Лес...

Он все знает, он все понимает, он сочувствует, склоняется к ней, ласково гладит по волосам зелеными лапами, ластится к ней, как добрый и верный пес... можно? Ведь правда – можно?

Я больше не один?

Он не так разумен, как леса даэрте, бывшие их леса, но ведь у него и не было таких Хранителей, как они. Как даэрте, духи Леса, тени Леса, душа Леса.

Пока этот Лес разумен в той же степени, что и его Хранитель-медведь.

Пока...

Но он позволит им прийти. Позволит жить в нем. Позволит помочь и себе, и им...

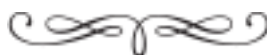
Салея закружилась на месте, засмеялась от счастья – и эхом откликнулась тайга. Наконец-то!

Они нашли друг друга!

Они дождались...

Теперь все будет хорошо, правда же?

Правда?

Таня сама не знала, как на ногах стояла, в этой фантазмагории цвета, звука, запаха... казалось, весь мир сейчас вертится вокруг них. И только одно остается неизменным.

Девушка и медведь.

А потом Салея протянула к ней руки. И Таня пошла, шалея от собственной храбрости, словно от вина... или это просто магия?

То, во что мы не верим?

Салея требовательно протянула руку, и Таня вложила в нее свою ладонь.

А в следующий миг Лея потянула ее ближе к медведю. Блеснули острые клыки, рассекли кожу. Боль в запястье была короткой и острой.

Красное – не земляника.

Капельки ее крови на траве, капельки крови Салеи...

И все закончилось.

Словно в единый миг.

Сначала одним движением поднялся на четыре лапы медведь.

Встряхнулся, поклонился сперва Салею, потом почему-то Тане – и вразвалочку затопал куда-то за деревья. Казалось, такая громадина, но шаг, второй – и его уже нет. Будто слился с древесными стволами, растворился.

– Спасибо, – тихо сказала Салея.

– Пожалуйста... – Таня опустила прямо в траву. – Ты разговариваешь по-русски?

Салея развела руками, даже чуточку беспомощно.

Я знаю, что происходит. Что произошло. Но как объяснить это тебе, и поверишь ли ты? Для меня это обиденность, но вы, люди, устроены иначе. Так печально. Я говорю на твоём языке, но ты меня не слышишь. Как часто это бывает.

– Да. Я знаю все, что знает Лес. А он слышал вашу речь. И запомнил. И я теперь знаю.

Таня тряхнула головой.

Здесь и сейчас это не казалось безумным или неправильным. И...

– Что у тебя на голове?

– Дубовая корона.

– Дубовая корона?

Теперь это не были выступающие бляшки. Это был полноценный венец. Коричневый, не гладкий, но и кора у дуба не гладкая, нет. Причудливо извилистый, словно не вырезанный из дерева, а так и выросший... и ведь это так и было.

Коричневый обод, и на нем небольшие коричневые почки.

Салея кивнула.

– Тания, – она так и произносила Танино имя – чуточку неправильно, – я благодарна тебе и твоей бабушке за помощь. И мне надо многое вам рассказать.

Таня тоже кивнула.

Она бы не отказалась послушать.

– Здесь? Или лучше вернемся к бабушке и там поговорим? Чтобы не повторяться?

Салея подумала немного, пожала плечами.

– Если ты потерпишь?

– Потерплю. Бабуля у меня хорошая. И твою историю заслуживает так же, как и я, – твердо сказала Таня.

Салея улыбнулась.

Иного ответа она и не ждала. Именно здесь и сейчас они понимали друг друга. И то, что казалось сложным в другое время, то, что потребовало бы уймы объяснений, здесь было простым и понятным. Само собой разумеющимся.

– Хорошо. Сейчас идем, только... у тебя сумка есть?

Таня снова кивнула. И потянула из кармана авоську.

Да, можете смеяться. Авоську.

Простенькую, сплетенную из самого обычного джутового шнура. А что? От пакетов этих паразитских один вред. Скоро над городами не птицы, а полиэтиленовые мешки летать будут. А так – сунула в карман и пошла. Тонкая, легкая, прочная, вместительная... чего еще?

Красота?

А ты сплети красиво! Таня в школе на макраме ходила, так что авосек наплела на тридцать лет вперед.

Салея взяла сумочку, кивнула, как-то повела рукой и... позвала?

Да, на своем языке, но позвала.

И земля... вскипела? Вспучилась, взгорбилась буграми – и на поверхность ее выбрались несколько корней. Даже отряхнулись, кажется.

Эти корни Таня узнала сразу.

– Женьшень?

– Да... твоей бабушке нужно. Я попросила, и с нами поделились.

Таня спорить не стала.

Как известно, то, что продается в аптеках, к женьшеню отношения не имеет. Вообще. Название есть, остальное – как хочешь. А найти настоящий корень, купить его... нет, нереально.

Это такие дикие деньги и связи нужны, что... все равно обманут. Если вообще не убьют.

– Мы их так, в открытую повезем?

– Что-то не так?

– Салея, это дикие деньги. У нас их просто отнимут.

– Деньги, да, – вспомнила девушка. Еще раз повела рукой – и через минуту корней просто не стало видно в авоське. На нее налипли трава, листья... получился такой экодизайн.

– Красиво, – кивнула Таня. А главное – ничего не видно. – Не осыплется?

– Нет. Идем?

– Идем...

До самого дома девушки молчали. Переваривали полученную информацию. У Тани еще и рука побаливала.

Надо будет перевязать, мало ли что там у медведя в пасти. Может, он зубы с рождения не чистил? Еще подхватишь какую заразу... а от бешенства проколоться не надо?

Хотя вот это – точно нет.

Этот медведь бешеным быть не мог. Как не мог быть бешеным лес, кедр, река... интересно, это вообще – медведь?

Однако запах от него был, медведи не розами пахнут. Но, наверное, не травой, хвоей и медом? Таня не знала... И у него из пасти тоже пахло медом, и шкура кое-где свалаялась, и один коготь на лапе надломлен... сколько же всего можно увидеть за пару секунд! Медведь явно настоящий.

Только медведь ли это? Или что-то большее под его видом? В его шкуре?

Вот и дом.

И зверье, которое активизировалось в прихожей и повело себя странно. Чтобы Гном катался вот так? Как щенок, выставляя кверху брюхо от безудержного восторга? Хорошо хоть не описался от счастья!

Чтобы Муська и Люська, две независимые котодамы, с размаху прилетели Тане чуть не на голову? И принялись тереться о щеки и мурчать, словно два трактора?

Невероятно!

Бабушка только головой покачала.

– Живность счастлива. Что у вас такого случилось, девушки?

– Ой, бусь, много. Но это Салея должна рассказывать.

– Да. Я вам многое должна и рассказать, и объяснить, – согласилась Салея. – Не удивляйтесь, бабушка Ми-ла, я теперь понимаю ваш язык. Лес дал мне это знание, как и все остальное. Давайте сядем, и я все объясню?

За были все.

Особенно кошки и ротвейлер, который плюхнулся всей тушкой Тане на ноги и так лежал, едва не мурлыкая от счастья. И чихать, что собаки не мурлыкают!

Ради такого дела – научатся!

Салея уселась на диван и, подождав, пока устроится Людмила Владимировна, начала свой рассказ:

– Вы знаете, что миров много. Подозреваете. Так вот, я не человек и не из вашего мира. Я даэрте. И моя планета, на которой мы живем, называется Дараэ. Мы жили достаточно спокойно, пока не прилетели ша-эмо. Если пользоваться вашими терминами, у нас путь развития цивилизации – биологический, у них – технократический. Мы не можем жить вне леса, без леса, не в природе. Они выжигают планеты и превращают их в грандиозные мегаполисы. Зелень им просто не нужна. Они давно оторвались от природы. И решили, что мы – дикари. Что нас надо колонизировать.

Женщины переглянулись.

А, ну это давно было известно. Испанцы и Мексика, англичане и Индия, а уж про Америку вообще молчим! Сколько уникальных культур уничтожили недалекие сволочи и дураки в поисках наживы?

И вот не надо о прогрессе.

Просто – не надо.

Обычно чем красивее слова, тем подлее поступки.

Здесь тоже было примерно так. Только с небольшой разницей. Если тех же индейцев испанцы сначала-таки убедили в своей белизне и пушистости, если американцы сначала выморили кучу индейцев с помощью одеял, зараженных оспой, то даэрте оказались умнее и в сказки не поверили. И торговать с врагами не стали, и к себе их не пустили. Почему?

Да кто ж их знает... сопротивление началось сразу. Салея тогда еще даже не родилась, знала ситуацию лишь по рассказам.

Резкий отказ в строительстве баз, атака с орбиты... как поняла Таня, у даэрте нашлось чем ответить и на это. Причем достаточно жестко.

Началась война.

На уничтожение. Даэрте выискивали дронами, чем-то еще летучим, потом заливали напалмом, методично выжигали леса, травили реки...

Они сопротивлялись, но итог был предсказуем.

Резервация.

Таня понимающе кивнула.

А что? Наверняка еще и красивыми словами присыпали эту тему: мол, угнетение, порабощение, движение к прогрессу, как это у цивилизованных людей водится. Вот как в Америке.

Ее вообще забавляло все, что там происходит, особенно борьба за права негров. Это ж красота! Одни эмигранты борются за свои права с другими эмигрантами! При этом дружно наплевав на коренное население.

Может, надо бы борцунам собраться в кучку да и разъехаться по Англиям-Африкам? А Америку оставить индейцам, которые, как ни крути, прав на нее имеют побольше, чем все остальные?

Нет?

Вот и тут хорошую идею пойти всем на фиг и оставить даэрте в покое не оценили.

Салея была принцессой. Дочь королевы... матриархат? Да, что-то в этом роде. Не абсолютный, потому что в природе все уравновешено, но все же больше труда и усилий продолжение жизни требует от женщины. Поэтому мужчина искони воин, женщина – собирательница. Мужчина защищает, женщина продолжает жизнь, мужчина рушит, женщина хранит. Так и правила.

Увы, центра сопротивления ша-эмо не потерпели.

Родителей Салеи таки поймали...

Не ловили, конечно, а сразу убили. Постарались.

Королева даэрте на своей планете почти всеильна. Не бессмертна, потому как в природе нет ничего вечного, но на родной земле ее будет защищать каждая травинка.

Увы.

Бомба – такая штука... от нее и травой не отмашешься.

– У вас такое было... Хирхо... хорхо...

– Хиросима, – кивнула Таня. И подумала, что неплохо фуганули. По мирному населению.

А что такого? Все во имя прогресса! Без него-то отсталым народам никак...

Саму Салею поймали достаточно быстро. Благо во время взрыва она была в другом месте, в святилище. Она уцелела. И иногда ей казалось, что напрасно.

– Пока я не инициировалась, я, увы, не сильно отличалась от обычного даэрте. И Дубовая корона не давала мне никаких привилегий.

– А что она вообще дает?

– Мое право и сила. Как... канал связи с Лесом, – не слишком понятно разъяснила Салея. – Я – это он. Он – это я.

– Садоводам остается только завидовать, – пробормотала Таня. – А для чего это вообще нужно?

Салея только улыбнулась.

– Дай мне сюда сумку...

Таня послушно протянула авоську.

– Вот...

Салея вытащила из нее корень женьшеня, внимательно осмотрела.

– Сойдет... Людмила Владимировна, вы себя не слишком хорошо чувствуете. Я ваши болезни вижу, вот здесь, здесь, здесь, – палец шел снизу вверх, касаясь суставов, почек, печени...

Бабушка Мила только плечами пожала.

– Есть такое.

– Держите корень двумя руками. Вот так...

– Кусать не надо?

– Обойдемся, – позволила себе улыбку Салея. И сосредоточилась.

Таня заметила, что по Дубовой короне побежали огоньки. Небольшие, светло-зеленые, слились в кольцо, отразились в глазах Леи – и погасли...

Корень осыпался зеленоватым пеплом на ковер.

А бабушка Мила впервые за много лет вдруг потянулась всем телом.

– Танечка... суставы... не болят?!

– Бусь?

Салея снова улыбнулась.

– Это сила Леса. Корень женишняя действительно целебный, вы просто получили всю его силу, сразу.

– Просто так? Сразу?

– Да. Ваши болезни ушли и не вернуться. Никогда. И возраст уйдет... не весь. Но лет двадцать вы сегодня вернули. И еще помолодеете, даже внешне.

– Ой, ля-ля-ля... – тихо высказалась Таня.

Как-то она сразу в это поверила, потому что видела медведя. И вопреки своей привычке бабушка Мила не отчитала ее за эмоциональное восклицание. Она попыталась осознать произошедшее, а потом схватилась за голову.

– Лея, детка, тебе нельзя это показывать. Ни в коем случае.

– Почему?

– Потому что тебя запрут в клетке. И ты будешь исцелять правителей, пока не умрешь. Или пока не выжжешь себя. Или... украдут, убьют... что может быть ценнее здоровья?

Салея кивнула:

– Я понимаю. Ша-эмо и этого хотели. Лекарств, которые позволяют делать больное здоровым. И ядов, которые действуют наоборот. Наши способности, возможности, наши права. А мы... мы не могли им объяснить, что они живут в искусственной среде, и значит, будут болеть. Они нас просто не слышали.

– Наши правители тоже не услышат.

– В любом случае я не смогу исцелять их долго, – пожала плечами Салея. – Я скоро умру... наверное, к осени. Может, и раньше, не знаю. Зависит от того, как я буду тратить силы.

– Умрешь?! Лея! – Таня едва со стула не свалилась.

Но как же так... это... это несправедливо, подло, гадко!

За что?!

– Тебя эти... ша-эмо отравили?

– Нет, – качнула головой Салея. – Они просто хотели сделать из меня овощ... растение. Нечто, подчиненное им, и только им, воздействовать на разум.

– Сволочи, – коротко высказалась бабушка Мила.

– Тем не менее. Чтобы уцелеть, я убила человека. Это не страшно, но я преждевременно активировала Дубовую корону. Я запустила инициацию, а проходить ее раньше тридцати лет нельзя. Я просто сожгу себя...

– А это никак нельзя остановить?

– А можно остановить рост дерева?

Таня поняла и понурилась. Ну вот как так-то? Чтобы спокойно рассуждать о своей смерти... да тех ша-эмо надо было вообще под землю загнать! На удобрения! А Лея... ну, убила она! Ну, активировала! Но ведь иначе бы умерла!

– Не надо, – Лея погладила Танину ладонь. – За это время я уже свыклась с мыслью о смерти. Рано или поздно, так или иначе... мне не дали бы вырасти. Я и так взяла от жизни все возможное. Я перешла в другой мир. И нашла подходящее для даэрте место.

Вот тут Людмила Владимировна поняла быстрее Тани.

– Наш мир?

– Да. Если вы согласитесь.

– МЫ?! – искренне удивилась женщина.

Салея улыбнулась.

– А у кого мне еще спрашивать?

– У правительства. У президента... у... м-да. Представляю эту картину.

– На сайт президенту напиши, – фыркнула Таня. – Уважаемый президент... он господин, кстати, или товарищ?

– Гусь свинье не товарищ.

– Понятно. Хрю. Так вот, я из другого мира, можно ли нашему народу расселиться в тайге?

Вот сейчас засмеялись уже все втроем.

– Дурдом. Сразу же, без обследования, – согласилась бабушка Мила.

– Мы бы тоже усомнились, – кивнула Салея. – Поэтому... вы знаете этот мир. Если даэрте поселятся в тайге? Скоро ли нас заметят?

Женщины задумались.

Тайга...

Если так прикинуть – пятнадцать миллионов квадратных километров.

Пятнадцать. Миллионов.

Урал, Алтай, Сибирь, Дальний Восток...

– А какова сейчас численность даэрте?

– Нас всегда было немного. Может, миллион. Но, скорее всего, сейчас уже меньше.

Таня от души рассмеялась.

– Салея, нас на земле почти восемь миллиардов. Миллион? Да вы тут растворитесь, как сахар в кипятке! Вас и не заметят! А найдут в тайге, так решат, что это какое-то новое племя открылось. Мало ли их тут – ненайденных?

– Почему ненайденных?

– Умные. Прячутся от цивилизации.

Салея понимающе кивнула.

– Мы бы тоже не связывались с цивилизацией... нам не дали.

– Так, – Таня решила отвлечь подругу от неприятных мыслей. – Что надо для вашего переселения? Это ж не десять человек, а миллион! Это круто!

Салея задумалась.

– Не так много. Местный Лес принял меня. Он согласен, чтобы даэрте тоже стали его Хранителями. Он понимает: животные не справляются, а люди... люди его просто не слышат.

– Лес согласен. Даэрте?

– Тоже согласятся. Еще и Дараэ с собой возьмут.

– Дараэ?

– Наш Лес. Саженцы, семена...

– Э-э-э, минутку, – вмешалась бабушка Мила. – А экосистема? Знаешь, как в Китае воробьев выводили? А в Англии овец разводили? В результате в Китае до тридцати миллионов

человек от голода умерло, потому как насекомые весь урожай сожрали! А в Англии леса только на картинках остались. Считаю, тоже экосистеме конец. Вы так не влетите?

Салея покачала головой:

– Нет. Мы... другое. Мы не для выгоды, мы просто чувствуем, что нужно природе, чего не нужно. Вот это растение – не знаю, как у вас оно называется, – надо полить. А вот у этого один из корней гибнет. Я это потом поправлю. А у Муси... иди сюда, лапка?

Метровая «лапка» послушно перемахнула на руки к Салее.

– Вот. У нее вот тут – болезнь. Могла быть. Как камешки... – На секунду ладонь Салеи опять окуталась зеленым, и свечение впиталось в Мусин животик. – Больше не будет.

– Невероятно! – покачала головой Людмила Владимировна. – Салея, я действительно считаю, что ты можешь переместить сюда своих даэрте. Но надо быть осторожнее, не сразу показываться в городах, ассимилироваться постепенно, годами. Это не однодневный процесс, это на десятилетия.

– Они справятся, – кивнула Салея. – Даже если меня не будет, есть старейшины, есть Дараэ. Мы никогда не причиним вреда живому.

Бабушка Мила тоже кивнула.

Не то чтобы она сильно прониклась проблемами даэрте, но... неправильно это. Выжигать планету с орбиты, ломать под себя народ, уничтожать – за что? За то, что они не хотят быть таким, как ты. Русские это хорошо понимают. Гитлер так и собирался поступить в 1941 году. Уничтожить почти всех, остальных загнать в резервации... за что?

А не европейцы, понимаешь! Значит – и не люди!

На него нашлась управа – и на ша-эмо найдется!

– Итак. Есть согласие Леса. Есть наше согласие. Что нужно еще?

Салея развела руками.

– Самое сложное. Мне придется открывать ворота между нашим миром и этим. И хорошо бы иметь... менгир... дольмен... но если нет, я справлюсь. А еще мне придется возвращаться в свой мир. И... у меня будет серьезная просьба к Тане.

– Какая?

– Чтобы вернуться сюда, я должна иметь якорь. Родную кровь. Ты согласишься стать моей сестрой?

Таня даже не задумалась.

За бабушкино выздоровление?

Сорок тысяч раз – ДА!

Тем более Салея ведь ничего не просила, не требовала, не торговалась. Она бабушку вылечила просто так, в благодарность за гостеприимство. И если бы ей отказали, не настаивала бы. И не пакостничала.

Как и Муську, кстати... кошку тоже полечили, потому что могли.

Просто помогли...

И сама Таня тоже просто помогла Салее, когда та вывалилась ей под ноги.

Ищущий выгоду никогда не получает ничего хорошего. Увы, это закон. Но если ты делаешь шаг вперед просто так, потому что хочешь помочь, то можешь обрести очень многое.

Тут главное не желать ничего для себя. Тогда все и будет хорошо. Но многие ли способны на бескорыстную помощь? Просто так, по велению души? Не ради выгоды?

– Конечно, я тебе помогу. Только объясни, как это должно выглядеть. И что от меня потребуется?

Салея задумалась.

– Ритуал побратимства... сейчас весна, это хорошо. Но надо дождаться полнолуния... скоро?

– Примерно через неделю, – посмотрела на лунный календарь бабушка Мила.

– Вот. Полнолуние, время суток значения не имеет, просто должно быть равновесие. И нам придется поехать в Лес.

– Хорошо. Это надолго?

Салея виновато развела руками.

– Таня, я не знаю. Ты человек, а я даэрте, поэтому возможно что угодно.

– Что именно? Я позеленею? Не хотелось бы, мне еще учиться...

– Нет. Не позеленеешь. Но я не знаю, как на тебе могут отразиться моя кровь и моя сила.

Придется вливать медленно, по капле...

– Ага, это как капельница, там тоже время нужно, – сообразила Таня. – Ладно... Буть, полнолуние на какой день приходится?

– На пятницу.

– Угумс... то есть в субботу на практику я не попаду. Договорюсь, буду в воскресенье отрабатывать. Поняла.

– Спасибо, – Салея посмотрела на Таню с улыбкой. – Я не сказала тебе о преимуществах нашего побратимства, а они тоже будут.

Таня пожала плечами.

– Разве это важно?

– Для тебя – безусловно. Даэрте видят мир чуточку по-другому, не так, как вы. Вы видите человека, а мы еще и... энергоканалы. Линии. Леи... тебе как будущему лекарю это будет интересно. Где нарушение – там болезнь...

– Оппа! – порадовалась Таня. – Здорово! Спасибо!

– Это тебе спасибо. Через неделю мы проводим ритуал, я жду несколько дней, чтобы кровь прижилась, – и пытаюсь пройти в свой мир. Потом возвращаюсь и пробую провести сюда даэрте.

– Всех сразу? – уточнила бабушка Мила.

– Нет. Сначала не больше десятка. Чтобы знать расход сил, чтобы они начали готовить убежище для остальных...

– Ага. Они придут сразу в Лес?

– Да, наверное...

– Просто им что-то потребуется? Деньги, документы...

Салея задумалась.

– Не знаю. Вряд ли... и потом – это ведь сложно?

Бабушка Мила пожала плечами.

– Лея, ты знаешь, сколько стоит такой корень, который рассыпался у меня в руках?

– Нет. А сколько?

– Самый дорогой корень женьшеня был продан в две тысячи двенадцатом году за пятьдесят миллионов рублей.

– Епрст! – ахнула Таня.

– Правда, ему было триста с хвостиком лет, и весил он почти семьдесят грамм¹⁵.

Салея небрежно вытряхнула корни из авоськи.

– Так... этому двести двенадцать лет, этому сто семьдесят, этому всего сорок пять, этому двести шестьдесят три года.

– Нас за это просто пристрелят, – вздохнула бабушка Мила. – Мы в жизни такое не продадим...

– Не наш уровень, – кивнула Таня. – Разве что этот... пятидесятилетний.

Бабушка Мила подумала и после паузы сказала:

---

¹⁵ 325 лет, 68,8 грамм, 49 млн рублей.

– Я поговорю со знакомыми. Намекну, что на меня вышли таежники, предложили продать корень женьшеня... дальше пусть сами договариваются, а мне процент от сделки. Но продавать будем, когда даэрте перейдут в наш мир, не раньше.

Девушки согласно кивнули.

– Тогда, если мы все предварительно обсудили, давайте кушать и спать? Хоть завтра и выходной, Тане все равно работать.

– Это да, – вздохнула Таня. – Ладно. Что у нас на ужин?

– Гречка. И молоко есть.

– Бусь, вообще отлично!

Людмила Владимировна улыбнулась девочкам.

– Тогда кушать – и спать!

Команда была тут же исполнена.

Командор поднял бокал, посмотрел сквозь него на свет.

Отличное вино.

И виноградники здесь отличные, надо наслаждаться.

Когда планету превращали в мегаполис... нет, пытались оставлять лозы, и не раз, и в теплицах их культивировали, но это все равно не то. Помои получают вместо прекрасного вина.

Саботаж, конечно.

Условия в теплицах намного лучше, чем на планете, а вкус у вина не тот. Значит – недосмотр работников.

– Сидите, Дарс?

Командор перевел взгляд с бокала на Лакса Рея. Тот стоял рядом, смотрел... странно.

– Что вас не устраивает, Лакс?

– Сложно даже сказать. То, что вы за пару дней развалили всю мою работу? То, что упустили девчонку? Что облажались? Вы облажались, Командор.

Бокал с вином полетел в ненавистное лицо. Увы, Лакс успел уклониться. И ухмыльнулся, вытирая с лица капли вина.

– Можешь сколько угодно беситься. Но ты все проиграл, неудачник. Это тебе не бластером махать, верно ведь?

– Я найду девчонку. Точнее, ее найдут для меня даэрте.

– Ты идиот, Командор. Ты даже не удосужился хоть что-то узнать о даэрте. Думаешь, никто не знает о том, что ты рассказал?

– Думаю, знают.

– Знают. Все. Они как муравьи, знает один – знает весь муравейник.

– Тем лучше. Остается только ждать. Я бросил специй в твоё варево, Лакс, и посмотрим, что теперь сварится.

– Даже и смотреть не стоит. Доклад я сегодня отправил. И о твоей наглости, и о твоём хамстве... посмотрим, что скажут ТАМ.

– Посмотрим.

Командор был почти спокоен.

Месяц.

Ему дали месяц на улучшение ситуации с Дараэ. И сейчас он сумеет отбиться от любых обвинений. Но если за месяц не будет подвижек к лучшему, у него могут начаться проблемы.

За месяц девчонка должна проявиться – или тут, или там... все правильно. Муравьи. Почти неразумные. Они не могут жить без королевы, а королева не выживет без них. Вот и все.

Она появится.

И тут уж Командор своего не упустит.

Эта планета будет ему служить. Она еще встанет перед ним на колени, еще откроет свои секреты...

Военные...

Что ты готов выложить за схему такой связи? Видеть, слышать каждого солдата, мгновенно отдавать приказы? За порталы, с помощью которых можно пройти куда угодно? И это не выглядит технологией – обычные камни...

За лекарства, останавливающие старение? За яды, которые нельзя обнаружить? И это далеко не полный список!

Представьте: просто милая кисонька, которая ночью может перегрызть своему хозяину горло. Ей приказали, и она выполнит приказ.

Любой несчастный случай...

Невероятные возможности – и это у дикарей, которые бормочут чушь про какой-то там путь развития!

Да тьфу на них!

Командор обязательно справится, и Дараэ станет служить ему. Нужно время, совсем немного времени. И он получит свое поместье. А там и эскадра, и еще одна, а потом – кто знает? Место в Совете?

А пока...

Еще вина? И плевать на Рея! Пусть хоть кому пишет – время у Командора еще есть! После победы эти письма можно будет отправить в архив... хотя нет! Командор оставит их себе. И станет перечитывать под настроение.

И Дарс Кет потянулся за бутылкой. Эх, бокал разбил, зря. Ладно, мы и так, по-простому. Все равно вино – великолепное.

Глава 5

Воскресенье?

День, когда можно отдохнуть и отоспаться?

Даже не рассчитывайте! Если у вас есть собака... если это собака ротвейлер... ладно еще чихуахуа можно послать на пеленку, он там сделает свои дела, а если пеленка в другой комнате, то и вонять не будет.

Но ротвейлер? Только свободный выгул. Только чистое поле.

Таня проснулась, как обычно, – в пять утра. Рассвет...

Гном сидел у кровати и смотрел на нее нежным взглядом, бабушка возилась на кухне и что-то напевала.

– Танюша, ничего не болит, – весело сообщила она. – Вообще...

– Совсем-совсем?

– Чисто конкретно в натуре, блин, зуб даю, – расхоталась бабушка. Выглядела она сегодня на десять лет моложе. Лучший рецепт от старости – ночь без болячек.

– Ну если даешь...

– Зубы, кстати, новые вырастут. Будет чесаться – не переживайте, – сообщила Салея, появляясь в дверях.

– Ой, – схватила за щеку бабушка. – А старые?

– Выпадут.

– Бедные мои пломбы... сколько я с ними мучилась! Знала бы, так и не начинала, – бабушка состроила капризную гримаску и перевернула оладью. Она словно пьяная была от счастья, от свалившихся с плеч недугов... – Давайте, девочки, просыпайтесь! Танюш, погуляешь с Гномом?

– А можно мне с Таней? – уточнила Лея. – Я же у вас почти ничего еще не видела...

Таня прекрасно поняла подтекст.

А осталось мне не так и много...

– Давай! Сейчас умываемся – и идем. Хорошо, что мы погуляем вместе. Гном кого угодно умогает!

– Вот и отлично, вернетесь – позавтракаете. Лея, детка, тебе нравится абрикосовое варенье?

– Не пробовала. Аб-ри-кос?

– Может, у вас они называются иначе. Попробуешь...

И Людмила Владимировна принялась снимать оладьи со сковородки.

Девушки переглянулись – и вышли из кухни.

– Лея, милая, спасибо тебе.

Таня крепко обняла... подругу? Уже, считай, почти сестру.

– Мне несложно, – пожалала плечами Лея. – Даэрте вообще связаны с Лесом...

– Как дриады? У нас была легенда о девушках, которые живут в стволах деревьев. Срубишь дерево – убьешь дриаду.

– Может быть, даэрте бывали и у вас, кто знает?

– У вас ведь не так?

– Не совсем. К примеру, живем мы лет двести-триста. Но да, все мы связаны с деревьями. У даэрте... у одного даэрте таких деревьев может быть до пятидесяти штук.

– А они умирают, когда погибает даэрте?

– Нет, конечно!

– Просто живут?

– Сколько им отпущено. Деревья часто живут дольше даэрте.

Девушки шли рядом, Таня вела на поводке Гнома. Ротвейлер деловито обнюхивал оставленные другими собаками метки.

Потом присел в кустах и задумался о жизни. Девушки деликатно отвели глаза в сторону – личный момент для собаки, нечего его смущать.

– Ходят тут всякие, гадят!

Салея подняла брови – тут так принято?

Таня только рукой махнула. Эту тетку она знала, характер такой. И боевой вылет у нее каждое утро. Надо обляять собачников, поругаться с кем-нибудь, доскрестись до души... вот надо – и все тут! Вон она какая вся... Таня пригляделась.

Показалось ей – или вокруг женщины словно марево какое-то? Желтоватое, с грязными разводами? Нет, не понять... солнце, наверное.

Таня отвела взгляд от хамки, достала целлофановый пакетик, совок, быстро собрала отходы жизнедеятельности и выкинула в ближайшую урну.

Не получив ответа на свое хамство и оставшись без энергетической подзарядки, женщина подбоченилась.

– Ишь ты! Поназаводили тут монстров всяких! Людям кушать нечего, а они таких тварей развели! Тьфу!

Таня обычно равнодушно проходила мимо.

Салея хамство спускать не стала. Вот и кустик подходящий, они как раз прошли мимо, а вслед за ними тащились и гундела вредная тетка...

И тут куст внезапно встопорщился всеми ветками и плотно обхватил ее...

Наверное, это был первый случай в истории, когда Раиса Максимовна замолчала. Сразу и без дискуссий. А потом завизжала так, что с куста чуть все листья не облетели.

Девушки успели уйти достаточно далеко. Так что догонять она их не стала. И обвинять тоже – в том, что ее куст схватил? А вдруг... еще что-то схватит? Или упадет? Выбралась – и стартовала по аллее в обратную сторону... из парка! И подальше!

Нет уж... лучше она сегодня в другом месте повампирит! К примеру, в рыбном магазине. Там замороженные караси еще не атакуют.

Таня тихонечко фыркала от смеха.

– Лея, а что это было?

– А это я попросила можжевельник ее придержать. Ненадолго, на пару минут¹⁶.

– Класс!

– Ты тоже так сможешь. Не сразу, конечно...

Таня кивнула и решила уточнить кое-что из вчерашних событий:

– Лея, а вот там, в лесу... Зачем я понадобилась? Ты же не только свою кровь дала медведю, но и мою? И мне кажется, вполне обдуманно?

Салея тоже кивнула:

– Да. Прости, пожалуйста. Но я решила, если ты согласишься, это будет полезно для ритуала. А если не согласишься... ты теперь в вашем лесу – своя. Тебя не обидят ни зверь, ни

---

¹⁶ Автор не опечталась. У можжевельника действительно листья. Только игловидные.

птица, ты не заблудишься, ты будешь чувствовать направление, пройдешь по любому болоту, легко найдешь пищу...

– На овцах в июле поехать! – ахнула Таня. – Лей, это... это здорово! За что ты извиняешься? Я кучу людей знаю, которые за такие возможности душу бы заложили.

– Я делала это и для себя тоже. И не спросила, – вздохнула Салея. – А при чем тут овцы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.